

Наталья Бондаренко

ОДНОЙ КРОВИ...

непридуманная повесть

Бондаренко Н. А. Одной крови... непридуманная повесть:

В книге рассказывается об одной из родовых ветвей семьи донского казака Трифона, прослеживается десять поколений. В её основе – воспоминания главы семьи, Фёдора Андреевича Трифонова. Повествование ведётся начиная с XVII века и заканчивается нашим временем. Вторая глава повествует о детстве, отрочестве, боевом и трудовом пути Ф.А. Трифонова.

Книга показывает, что, пройдя через суровые испытания, можно выстоять, остаться человеком и сохранить любовь друг к другу и своей Родине.

*...История предков всегда любопытна для того,
кто достоин иметь Отечество.*

Н. М. Карамзин

СЕМЁН – МИХАИЛ – ТРИФОН

Давно, очень давно это было... В XVII веке. А вот в каком году – неизвестно.

Три брата из обедневшей семьи московских князей в поисках свободной земли приехали из Москвы на нижний Дон. Братья, вступив в казачество, получили наделы земли и стали верой и правдой служить царю и отечеству. Семён и Михаил, от имён которых произошли соответственно фамилии – Семёновы и Михайловы, обосновались в междуречье Дона и Волги. Трифон, давший своим именем фамилию Трифоновы, остановился на реке Калитва, в хуторе Николаеве, раскинувшись неподалёку от станицы Белая Калитва. Одна из родовых ветвей Трифона даст на протяжении трёх веков десять поколений. В 90-х годах минувшего столетия старшие представители семьи переедут с Дона на Волгу, обоснуются в Самарской области, в Сызрани, – некогда купеческом городе, расположенном на правом берегу реки.

ТРИФОНОВЫ

Трифон – Пётр – Михаил

О далёком прародителе рода, о Трифоне, не сохранилось сведений. Известно лишь, что у него был сын Пётр. В 1800 году у Петра родится Михаил, которому будет предначертано прожить удивительно долгую жизнь. Он станет свидетелем двух войн – Отечественной 1812 года и Первой мировой. До революции долгожитель не доживёт всего лишь год.

Вот как вспоминал о нём его правнук Андрей:

«Надо было ехать за сеном, и дедушка Михаил взял меня с собой – я только вернулся с действительной службы. Деду было на тот момент сто четырнадцать лет, мне – двадцать восемь. Запрыгнул он на неосёдланную лошадь, а мне сказал, чтобы ехал я на возу. Прибыли мы в поле. Дед Михаил взял пятирожковые вилы и начал ими закидывать сено на воз, борта у которого были довольно высокими, а мне дал задание утрамбовывать ногами сено на возу. На удивление крепким был мой прадедушка в столь преклонном возрасте!»

Сохранился ещё один факт из жизни долгожителя. Семья у Михаила была большой, женщин в ней – много. Всем им хватало дел и в поле, и дома. Как-то раз хозяйки готовили обед, а старый дедушка Михаил сидел за столом и смотрел. Видит он, одна из них забежала на кухню и посолила суп. Следом зашла другая кухарка и тоже бросила щепотку соли в кастрюлю. За ней – третья хозяйка. Она спросила дедушку: «Солили суп?» Он ответил ей: «Не знаю». Посолила суп и она, без пробы. И тогда дед Михаил решил подыграть кухаркам – тоже добавил чуть-чуть соли в кастрюлю. Даже в старческом возрасте Михаил был не лишён чувства юмора.

Закончились жизненные силы внука Трифона в сто шестнадцать лет. Поставили перед ним тарелку с едой и говорят: «Кушай, дедушка». Он не реагирует. Повторили просьбу – в ответ ни звука. Тронули за плечо, а дед Михаил спит вечным сном.

Семён

Сын Михаила Семён был темноволосым неотразимым красавцем, имел высокий рост, пропорциональное телосложение. Он служил гвардейцем в Петербурге в Измайловском

лейб-гвардии полку. В этот старейший полк принимали статных брюнетов, подобных Семёну.

Отслужив положенный срок, вернётся он в свой хутор Николаев, посадит на телеги отца, жену Матрёну, семерых сыновей и столько же дочерей и повезёт всех на жительство на реку Быструю, в Ермаковскую станицу. Произойдёт это важное событие в 1892 году. На краю хутора Михайлов семья обзаведётся собственной усадьбой. Женившись, сыновья Семёна построят, при поддержке отца, себе хаты и покинут родное гнездо. К несчастью, родительский дом во время Гражданской войны не уцелеет – сгорит.

Причина переезда Трифоновых в хутор Михайлов была связана с землёй – главным источником жизни. В Михайлове её давали больше, чем в Николаеве. У казаков существовал закон: при рождении мальчика ему полагался пай пахотной земли. Выделял надел главе семьи казачий атаман. Пай в разных районах был неодинаков: в низовьях Дона больше, чем в верховных станицах, причём в два раза и даже больше. А в некоторых северных станицах казаки имели участки лишь в четыре десятины (десятина равна 1,0925 га) на члена семьи мужского пола. В хуторе Михайлове пай равнялся семи гектарам. Значит, семья Семёна, имевшая семерых сыновей, получила при переезде, с учётом надела отца, восемь участков – пятьдесят шесть га.

Если землю в хуторах давали безвозмездно, то скот – быков и лошадей, а также орудия труда – плуги, бороны, серпы – казаки приобретали сами. Сами и пахали, и засеивали землю, и собирали урожай: жали, вязали снопы, делали копны и скирды, свозили зерно на гумно – домашний ток был у каждой семьи свой. Излишками зерна казаки торговали. Зерно доставляли на быках и лошадях с берегов Дона на Волгу, там его сдавали оптом барышникам, а те везли пшеницу на размол на мельницу и торговали потом уже мукой, отправляя её в разные города по судоходной реке.

После Первой империалистической в живых из сыновей Семёна остались двое: младший – Николай и старший – Кузьма.

Вся красота Николаю досталась от гвардейца-отца: тёмные курчавые волосы, большие чёрные глаза, статная фигура. А Кузьма пошёл в мать, в Матрёну: светловолосый, глаза голубые. Он носил усы и бороду, за ними регулярно ухаживал, подрезал. Ростом Кузьма не выдавался, но зато был коренаст, физически крепок и никогда не болел.

Николай, придя с войны, женился и занялся на своём дворе кузнечным делом: ремонтировал плуги, припашники, сеялки, бороны – у него была хорошая, востребованная мужская специальность. После революции его двор, вместе со всеми кузнечными принадлежностями, превратили в колхозную кузницу, и пришлось Николаю работать на колхоз. За своё кузнечное мастерство он пользовался у хуторян заслуженным уважением.

Кузьма

Кузьма родился в 1863 году. К моменту переезда родителей в хутор Михайлов ему исполнилось двадцать девять лет, он был женат, имел шестилетнего сына Андрея.

Женился Кузьма вот как...

Когда ему исполнилось шестнадцать, отец сказал:

– Хватит гулять, Кузьма. Едем выбирать невесту. Пора тебе жениться.

И повёз его на бричке к Храмовым – состоятельной семье казака, проживавшей в Николаеве, где в то время жили Трифоновы.

Дочь Храмовых нравилась Семёну: хорошая хозяйка, прекрасно воспитана... Но вот Кузьме она была не по душе. Дело в том, что одна нога у неё была короче другой и девушка прихрамывала. Семён по этому поводу говорил, мол, не беда, главное в жизни не это, важнее всего – девка из хорошей семьи, правильного воспитания, а значит, будет отличной женой. Отцовские доводы не убедили Кузьму. По дороге он спрыгнул с брички и пошёл в обратную сторону. Семён развернул лошадь – и за ним! Кузьма повинился

отцу – он был в гневе, даже пригрозил арапником, кнутом: выпорю! Но, садясь в повозку, Кузьма продолжал настаивать на своём:

– Не женюсь! Девка не нравится!

Видит Семён, что не переубедить ему сына в одиночку, и, поразмыслив, повёз его к казачьему генералу в отставке, авторитет которого в округе был непререкаем.

Генерал, узнав, в чём дело, возмутился:

– Ты не слушаешь отца?!

– Девка некрасивая, – опустил глаза Кузьма.

Генерал позвал свою жену. Она вышла на крыльцо, и все увидели, что нос у неё провален, вместо него торчит маленькая пипочка.

– Что, не нравится? – посмотрел генерал на Кузьму строгим взглядом. – Она – мать моих детей, жена генерала. Разве в красоте дело? Дело в душе. Послушайся отца!

Кузьма кивнул, сел в бричку. Семён обрадовался, развернул коней, снова стал править к дому Храмовым. Но сын, продолжая сопротивляться навязываемому браку, спрыгнул на ходу с повозки.

– Что ты хочешь?! – крикнул в отчаянии отец.

– Вези меня к Калабуховым, – твёрдо сказал Кузьма, давно присмотревший в этой семье красивую девицу Марфу.

Пришлось Семёну уступить.

Молодые люди обвенчались в церкви.

Марфа была старше Кузьмы на год, на момент сватовства ей исполнилось семнадцать. Родила она мужу четырнадцать детей. Вставала на ноги семья в то время, когда в стране одно за другим следовали горькие события – Первая империалистическая, революция, Гражданская... Мало этих бед, ещё и медицина была слабой. Из всех рождённых Марфой ребятишек выжило лишь пятеро.

Жили одной большой семьёй в доме родителей Кузьмы. Дело обычное: в те годы под одной крышей ютилось несколько поколений. И, если имелись в семье сироты, их не бросали, брали к себе. Вот и тут, кроме своих детей и внуков, сообща растили двух сирот (отец погиб на войне, мать умерла) – племянников Кузьмы, ни в чём им не отказывали.

В 1888 году Кузьму призвали в армию, в звании вахмистра он был старшиной казачьей сотни. Кузьма и его сослуживцы гордились тем, что начинали служить в год трёх восьмёрок.

Казачьи-воины... В 1835 году казачество было узаконено как военно-служивое сословие специальным документом, регламентировавшим штаты и внутреннее устройство Донского войска. Документ обязывал всё казачье мужское население нести 25-летнюю (с 1874 года – 20-летнюю, с 1909-го – 18-летнюю) военную службу, из них четыре года – непосредственно в армии. Снаряжали казаков на службу семьи за свой счёт, обходилось это примерно в двести пятьдесят, а порой в триста рублей, что составляло два полных годовых дохода. К началу службы казаки, как правило, были женатыми и имели детей. В армию они приходили со своим конём – обученным, послушным, знающим военные команды. Жеребят выносливой донской породы сыновьям покупали родители, воспитывать животных начинали ребята сами. У казаков был старинный обычай – рано сажать малыша в седло, и если он крепко цеплялся за гриву коня, то считалось – настоящий растёт казачок. Подвергали ли родители маленького Кузьму такому испытанию – кто знает... Известно лишь, что у него с детства имелся свой конь, которым он гордился, за которым трепетно ухаживал.

Служить Кузьма попал в город Новочеркасск – казачью столицу. До этого обучался в Новочеркасской школе вахмистров, получил там определённое образование. В этой школе, кроме грамоты и Закона Божьего, преподавали джигитовку, учили владеть саблём (приёмы отработывали с помощью лозы, её рубили). Во время подготовки казаки должны были на скаку ловко запрыгивать в седло, спрыгивать с лошади, быстро пролезать под её животом, умело управлять конём. По команде всадника – толчка носком сапога под

переднюю ногу – обученный конь останавливался и ложился на землю. Казак клал ему на спину винтовку и, прикрываясь спиной животного как барьером, устраивался рядом и брал винтовку наизготовку.

Казаки, защищая Отечество, заслужили своей доблестью ту славу, которая у них была. Слава распространялась далеко за пределами страны. Во время Великой Отечественной войны, по воспоминаниям внука Кузьмы – Фёдора, в Австрии и Венгрии, где он служил, местные жители часто спрашивали его о том, откуда он родом. А узнав, что с Дона, что он потомок донских казаков, люди открыто выражали ему своё восхищение. В Европе донских казаков с давних времён ставили выше всех воинов. Австрийцы говорили: казаки – это воины номер один, немецкие рыцари – воины номер два, венгерские уланы – воины номер три.

Что же отличало в бою казаков? Это – их крепкий дух, смелость, решительность. Обычно односельчане служили в одном полку. Так делалось специально: казаки проявляли в учениях лучшие свои качества, не желая упасть в грязь лицом перед земляками. По окончании службы старики-хуторяне расспрашивали вернувшихся: кто как себя вёл, обсуждали поведение каждого. Казаки, хорошо зная друг друга с детства, на службе были дружны так, словно они – одной крови. Бывало, вместе воевали сын, отец и зять, в бою они поддерживали друг друга. Взаимовыручка, сплочённость, надёжность, верность своему слову – таковы отличительные качества казаков.

О том, что казаки были смелыми и решительными, видно по их песням. Прославляющие подвиги, казачьих генералов, боевой дух казаков, прочный уклад жизни – такие песни имели воспитательное значение для молодёжи. Были у них и весёлые, задорные куплеты, они пелись в дни праздников. По ним видна склонность казаков к юмору, их умение веселиться.

В молодых казаках и казачках с ранних лет воспитывалась нравственная сторона личности. В девушках ценились чистота и непорочность, им не разрешалось смотреться в зеркало и наносить на лицо белила. В магазинах краски для них не продавали, приносили их в хутора коробейники, и кое-кто из девушек, несмотря на родительский запрет, соблазнялся покупкой. Нравственность, духовность, внешняя естественность, послушание в казачьих кланах ценились превыше всего, воспитание детей в этом направлении было в приоритете. Любой казак имел право наказать на улице расшалившегося казачонка, мог даже надавать ему тумаков, например, за курение, а мог и пригрозить: пожалуюсь твоим родителям. Подростки боялись и уважали старших, старались не подводить их и не обижались, когда им делали замечания, правильно на них реагировали, исправлялись. Кузьма не раз говорил подрастающему внуку Феде: «Знаешь, за что уважают? За воспитанность. Не забывай здороваться с людьми, снимать перед женщинами и стариками шапку. Поклонись, если проходишь мимо сидящих у дома старушек».

Жизненный путь казаков определяло православие. Оно формировало мировоззрение и круг обрядов. Православная вера отражалась в повседневной жизни, например, большие дела казаки начинали с молитвы. Часто они шли за советом к священнику, давали различные обеты, у них было твёрдым понятие греха.

Самым главным достоянием станицы была церковь, строили её всем обществом. Приходя на новые земли, казаки начинали со строительства храма или часовни. Починка и украшение церквей делались на средства станичников. Собирали со всех приношения в виде сельскохозяйственной продукции и это собранное продавали с торга. Деньги от продажи шли на храм. Казаки заботились и о своём духовенстве. На их долю выделялись пай, давались им вознаграждения за требы и общие молебны.

...Отслужив четыре года, Кузьма демобилизовался – в 1892-м, незадолго до переезда родителей из Николаева в Михайлов. А за год до этого войска получили на вооружение нарезные винтовки Мосина. (Раньше использовались винтовки иностранного производства.) Из такой винтовки Кузьма успел пострелять, стрелял так метко, что за

хорошие результаты был награждён именными часами. (В 1930 году оружие усовершенствовали, оно стало называться винтовкой «Мосина 1891/30».)

По возвращении со службы домой Кузьма занялся обучением молодых казаков, учил их в местной школе джигитовке. А потом, так сложилось, большую часть жизни связал с лошадьми – пас колхозный табун. В этом деле ему помогал внук Федя. Запрыгнув на неосёдланную кобылицу, мальчик гонял коней в балку, на водопой. Ухаживая за лошадьми, он полюбил этих умных интересных животных не меньше, чем любил их Кузьма.

В колхозном табуне был жеребец по кличке Баловень. Ничем не примечательный внешне, он был очень сильным конём, хорошим скакуном, на районных скачках всегда занимал первые места. Однажды Кузьма прозевал его.

В тот день вместе с Федей он пас табун у балки. Рядом стояла будка, которую, впрягая в лошадь, пастухи возили за собой – в ней жили. Лунной ночью дед с внуком сидели на облучке, передке телеги. Вдруг они увидели вышедшего из балки волка. Лошади сразу учуяли хищника и моментально встали в полукруг, веером: головы – в центр, задние копыта наружу. Так они делают всегда, когда видят опасность. Баловень – хозяин косяка – в круг не встал, он охранял табун, бегая рядом и отпугивая лютого зверя. А волк заманивал его – уводил от лошадей. Баловень следовал за ним. Неожиданно хищник пошёл резкими прыжками на коня, схватил его за хвост и с силой упёрся ногами в землю, буквально пропахал её, потом, разжав зубы, выпустил конский хвост. Баловень, перевернувшись через голову, упал. Волк в одно мгновение вонзил зубы в лошадиное горло. Так погиб вожак табуна. А что же Кузьма? Он растерялся, не ожидал такого молниеносного конца. Это был единственный случай подобного рода. Но к его чести, волку не удалось уйти – опытным охотником был Кузьма.

В те времена этого зверя много водилось, и была необходимость истреблять хищников: один убитый волк – спасённое стадо овец. Волчья шкура стоила пятьсот рублей, охотники сдавали шкуры государству.

Охотился Кузьма всегда в одиночку. Садился на коня – и пошёл, пошёл на волка! Гнался во весь опор. Увидит хищник, что за ним погоня, и начинает уходить. Но лошадь в беге выносливее волка. Устанет серый, высунет язык – дыхания у него не хватает, сядет и начинает завывать. Кузьма тут же соскакивал с коня, быстро надевал краги (кожаные рукавицы) и – рукой в волчью пасть, хватал за язык, другой рукой бил зверя шомполом. Волк окончательно обессиливал, у него от испуга и боли случался понос. В этот момент бери его, как говорится, голыми руками. Кузьма надевал ошейник на поверженное животное и на поводке вёл волка в село. А дома, по обыкновению, привязывал серого разбойника к старой сливе. Все хуторяне приходили посмотреть на добычу знатного охотника. А в сумерках у сливы собирались лесные собраты «узника».

Кузьма был не только хорошим охотником, но и азартным рыбаком. В селе никто не мог равняться с ним в этом занятии. Рыбу ловил он в тёплое время года. А длинными зимними вечерами вместе с женой вязал новые сетки и чинил старые – готовился к сезону. Подросшим детям, а потом и внукам Кузьма давал совет держаться ближе к воде, полагая, что у воды люди живут дольше.

По своей натуре был Кузьма довольно неординарным человеком. Имея пытливым живой ум, он стремился многое узнать и понять, любил всё анализировать, сравнивать, сопоставлять... Так, однажды подошёл Федя к деду, когда он задремал, Кузьма вдруг открыл глаза и сказал с сожалением: «Эх, хотел схватить момент засыпания, но не смог. Сколько раз пытался и раньше, но не получается».

Отличался Кузьма смелым и решительным характером, и силой был не обделён, любил её испытать. Как-то раз приехали они с Марфой на ярмарку в Белую Калитву – за товарами, а там станичный атаман организовал на площади представление и кулачный бой. Так всегда бывало в дни праздников. Вышел один из казаков вперёд и сказал:

– Кто желает со мной сразиться?

– Я желаю! – вызвался Кузьма.

Марфа испугалась за мужа:

– Куда ты?! Он же тебя убьёт!

Но Кузьма не послушался жену, вступил в драку и победил. После состязания зачинщик боя подошёл к Кузьме, пожал ему руку: «Будем знакомы». И стал с этого дня ездить к нему домой – подраться: хотел отвоевать у Кузьмы победу. Начинали они с разговоров, потом выпивали и сходились в бою. Всегда побеждал Кузьма. Гость злился, хватал в руки коромысло и начинал им размахивать во все стороны, выпуская из себя ярость.

Почему Кузьма одерживал победу? Сила у его соперника была невелика, побеждал он многих за счёт крепости пальцев. Ухватившись за мышцы предплечий противника, борец сильно сжимал их цепкими пальцами, и руки бойца становились как плети. Кузьма понял этот приём и не давал казаку ухватиться за свои руки.

Некоторое время Кузьма подрабатывал развозом водки по сельским казёнкам – водочным магазинам. Водку возчики брали на спиртоводочном заводе села Надеждовка и получали в придачу бутылку спиртного бесплатно. Но им одной бутылки было недостаточно. «Мы брали нитку, смачивали её в водке, обкручивали ею головку бутылки, поджигали нитку, горлышко отлетало – и наливай!» – рассказывал дед Кузьма Фёдору, уже взрослому. Так выпивки вошли у Кузьмы в привычку.

Как-то раз замахнулся арапником на него Семён – не выдержал пьянства сына, а Кузьма, с похмелья плохо соображая, выдернул из брочки оглоблю и давай ею размахивать во все стороны, наступая на родственников и каламбура:

– От слепого комара, кто подлезет – не беда!

– Вон со двора! – рассердился Семён и прогнал сына из усадьбы.

А у Кузьмы были жена и трое неопределённых детей. Забрал Кузьма семью и подался с отцовского подворья, стали жить у чужих людей. Семён не построил ему дом, как построил всем другим сыновьям, – не смог простить нанесённую Кузьмой обиду.

Неуважение сына к родителям казаки воспринимали очень серьёзно, такого наказывали лишением родительского благословения и даже могли выгнать из дома. Часто ушедший, образумившись, раскаивался и просил отца: «Дай мне, батя, благословение, а то совесть мучает». А иные так и бегали от родителей по много лет – как Кузьма.

Гражданскую войну Кузьма не принял. Был он старой закалки, всё новое воспринимал с трудом. Его старший сын Андрей пошёл в красные, а сам он подался от красных в Крым. Но уехать из Феодосии в Турцию, куда бежали от новой власти белые офицеры, ему не удалось: корабли оказались переполненными людьми. В Феодосии беглецы бросали в порту своих коней с бречками и спасались кто как мог, стараясь попасть на палубу корабля. Кузьма не уцепился ни за одно судно. Он запряг лошадей, чтобы отправиться домой, и вдруг услышал чей-то оклик со старого судёнышка:

– Андрей Кузьмич!

Кузьма, четыре года не видевший сына Андрея (он служил в армии), восторженно крикнул:

– Кто такой Андрей Кузьмич?

– Трифонов, – ответили ему с палубы.

Кузьму обдало жаром: сын! Неужели нашёл сына?!

– Покажите мне его! – бросился Кузьма к судну.

Вывели Трифонова на палубу – оказался – старик, однофамилец.

– Отец, оставайся с нами, будешь помогать ремонтировать и смолить наш корабль, – предложили Кузьме матросы, видя, как он расстроен.

Кузьма согласился. Работа была ему знакома, ему часто приходилось покрывать смолой собственные лодки.

Через два года он вернулся в свой хутор, имея при себе документ о том, что является красноармейцем.

А дома – советская власть, всё по-новому.

Всю жизнь Андрей не мог простить отцу Крыма, не раз нападал на него:

– Зачем тебе нужна была Турция?! Кому ты насолил?

И неизменно добавлял:

– И почему в пьяном виде отца, деда Семёна моего, ударил?

Кузьма оборонялся, пропуская мимо ушей слова о неудавшемся побеге в Турцию, сам нападал:

– Вы меньше пили?! После заготовок хлеба собирались в хате и до утра орали песни.

...Андрей пришёл домой из армии и увидел, что родовая усадьба во время Гражданской войны сгорела. Кто её сжёг – красные или белые – неизвестно. Решил он построить новый дом. Возвёл двухэтажный, и довольно быстро. Он был светлым, с множеством окон, крыт соломой. Сладил Андрей и конюшню с клуней (сарай для кормов). И забрал к себе бездомных отца и мать, а вместе с ними незамужних своих сестёр.

В двадцатые годы прошлого века по всей стране создаются колхозы, в ходу лозунг: «Ликвидируем кулачество как класс на основе сплошной коллективизации!» Человек из районного ОГПУ, некий Бессалов, являлся одним из организаторов колхозных хозяйств. Ему часто приходилось бывать в Михайлове по работе. Ночевал он обычно в доме Кузьмы. Однажды, проснувшись утром, гость обратился к хозяину с вопросом:

– Ну что, дед, в колхоз вступил?

– Да нет, – в ответ ему Кузьма. – Вот посмотрю, как оно будет... Будет хорошо, тогда и пойду.

– Ты к какой категории относишься?

– К третьей.

– Вот переведу тебя в шестую! – пригрозил Бессалов.

В то время казацкие хозяйства делили на категории, коих было шесть. К первой категории относились безлошадные крестьяне и батраки, которые работали на богатых казаках. Ко второй – казаки, имеющие хозяйство и пару быков. К третьей – казаки, во владении которых было два быка и столько же лошадей. И так далее – по росту состояния. В последнюю, шестую, категорию входили богатые казаки, имеющие много скота, мельницу либо молотилку. Таким образом, говоря о шестой категории, Бессалов пытался напугать Кузьму высылкой в Сибирь или на Дальний Восток, что в то время было обычным делом. Отправляли на лесоповал богатых казаков, не желающих вступить в колхоз, и некоторые оседали в дальних краях навсегда.

– Что ж, записывай в колхозники, – поразмыслив, нехотя согласился Кузьма.

Так вступил он в колхоз. И, оторвав, как говорится, от сердца, отвёл туда своих любимцев-коней. Что творилось в его раздавленной душе – без слов понятно.

– Тик-тик, а коники-то в колхозе, – то и дело горестно вздыхал новоиспечённый колхозник.

Фёдор, повзрослев, однажды спросит Кузьму:

– Дедушка, а можно полюбить общую землю?

– Можно! Если хорошо работаешь! – с жаром ответит дед Кузьма.

«И если вкладываешь в работу душу», – придёт к заключению Фёдор с годами.

Отвёл Кузьма в колхоз и корову. От неё остался в личном хозяйстве бычок. Федя с братом любили на нём кататься. Сядут вдвоём на спину и погоняют палкой. Это хорошо получалось до тех пор, пока их соседский дружок Митька не научил бычка бодаться. Он делал так: вставал перед животным на четвереньки и упирался – лоб в лоб. После таких «уроков» к бычку стало страшно подходить – он гонялся за братьями. Из бычка вырос огромный бугай. Его отвели в колхоз, выменяв за него стельную тёлку. Так в колхозном хозяйстве появился бык, а у Кузьмы – корова.

Дед Кузьма, не сидевший ни минуты без дела, приучал к труду внуков, говорил им: «Чего болтаетесь? Овец пасите!» Подрастая, внуки пасли, кроме овец, быка и лошадей. А вечерами с удовольствием слушали рассказы любимого дедушки. Рассказчиком Кузьма был редкостным, мог увлечь невыдуманными историями даже самого взыскательного

собеседника. Он взахлёб делился с внуками случаями, взятыми из жизни, коих знал много, и даже изображал персонажей своих историй в лицах. А внуки впитывали услышанное восприимчивой детской душой, всё запоминали.

Жизнь большой семьи проходила в сельских трудах и заботах. Работали домочадцы не покладая рук. В сезон выходили обрабатывать собственный надел. До советской власти казаки имели свои сады, поля, пастбища, луга, огороды, бахчи и от зари до глубокой ночи работали на себя.

Так трудились все хуторяне. Они ревностно присматривались к тому, кто из соседей что посадил, у кого хуже или лучше урожай. Часто обменивались рассадой и саженцами. И сами выводили новые сорта картошки и других культурных растений.

Говорит однажды Марфа Кузьме:

– Дед, а дед, картошка у нас портится, чернеет. Шла я на речку бельё стирать и видела картошку у Куликовых. Ай, какая хорошая картошка! Ай, какая хорошая!.. Попроси у них ведро семян – на развод.

Взял Кузьма ведро, пошёл к соседям, принёс картошку. Марфа порезала клубни на доли так, чтобы в каждой был глазок. После этого дольки перемешала со своей картошкой и всё высадила в поле. Новый урожай вырос чистым, без черноты – переопылился. В результате скрещивания получилась элита. В первый год картофель был крупным, но малоурожайным. На следующий год клубней уродилось больше. А дальше – урожая много, но качество картошки хуже. Предстояло опять скрещивать сорта. Этот опыт передавался сельчанами из поколения в поколение.

Однажды, в посевной сезон, произошёл один неприятный случай. Накануне пришёл из тюрьмы сосед Кузьмы. Хуторяне смотрели на него косо, не ладили с ним. Он тоже сторонился людей, хотя в колхоз вступил. Предстояло пахать землю. У этого соседа была хорошая левада – участок земли. Он пошёл к председателю колхоза и попросил у него лошадей. Тот их дал. Но вот загадка, почему-то соседушка взял бывших коней Кузьмы, стал на них пахать. Пашет, пашет... А потом, как только поравняется с окнами дома Кузьмы, с силой удерживает коней, дёргая за вожжи, хлётко стегает их арапником, приговаривая зло:

– Но, Кузьма! Но, Кузьма!

А Кузьма видит всё в окно и ругается на чём свет стоит – так жаль ему своих лошадей! Домашние боялись, что он кинется с кулаками на соседа. Но Кузьма сдержался.

Таких людей, как этот сосед, в те времена было мало, хуторяне отличались добротой и милосердием, доверчивостью и наивностью. Понимая чужие проблемы, они всегда были готовы прийти ближнему на помощь. Например, никогда не отказывали в ночлеге путникам. До райцентра – пятьдесят шесть километров – сложно пешком обернуться за день. Обычным делом было проситься на ночлег к чужим людям. Путника принимали, кормили-поили и, поговорив, утешив и обласкав, укладывали спать.

Как-то раз, поздним вечером, в дом Кузьмы постучали:

– Дедушка, пустите переночевать!

– Заходи-заходи!

Путником оказался татарин. Пока Марфа накрывала на стол, Кузьма интересовался у гостя: куда и зачем идёшь...

– Иду от одной семьи до другой. Надо детишек одеть и обуть к школе, купить им книжки. Одних детей уже обеспечил, всё им приготовил, теперь хочу и этих собрать в школу.

– Зачем тебе две семьи?

– У нас так принято.

Большую жизнь прожил Кузьма... Однажды, дело было в 60-х, приехали к нему два учёных из Ростовского института – они изучали вопросы долголетия. Заполняя анкету, один стал задавать Кузьме вопросы: чем питался, что любил, какой вёл образ жизни, испытывал ли стрессы, имел ли наказания и поощрения...

В конце беседы спрашивают учёные Кузьму:

– Пил?

– Да кто ж её, горькую, не пил, – отвечает он и тут же шутит: – Но когда пил, всегда кривился!

– Курил? – интересуются товарищи-учёные.

– Курил. Но в сорок лет бросил. Вот почему. Как-то офицер попросил меня набить табаком мундштуки. Я набиваю, а табачок так пахнет, так пахнет! Я не выдержал и закурил. Ух ты, как хорошо! И накурился так, что голова стала раскалываться, заболела с такой силой, что боялся – не выдержу. С тех пор не стал курить.

– А сам-то как считаешь, почему долго живёшь? – спрашивают гости.

– Всею голова – работа, – отвечает Кузьма и начинает рассказывать про своего друга-соседа: – Вот Никифор... Вышел на пенсию в шестьдесят лет и целыми днями сидел возле дома и курил трубку. Говорю ему: «Пойдём работать». «Я своё отработал», – отвечает он мне. «Хочешь, будешь у меня сторожем – колхозные сады некому охранять», – продолжаю его уговаривать. А он: «Обойдётся!» Возвращаюсь как-то раз с работы, а сосед всё сидит. Спрашиваю его, мол, как дела? «Да плохо, – говорит. – Сын гонялся за невесткой, отлупил её... За что? Спрашивает сын жену: “Кормила деда?” Она ему: “Он не жрёт”. Сын – ко мне, с вопросом: почему я не ем? Отвечаю: “Да она не звала меня ни на завтрак, ни на обед”. Вот за это он и гонял её. А я сижу и переживаю».

– Ну что, товарищи учёные, унесли уже Никишку вперёд ногами... А я всё живу. Потому и живу, что сам могу накормить свою семью и на колени ни перед кем не встану, просить не буду, – закончил Кузьма.

Слыл Кузьма не просто хорошим работником – считался передовым колхозником. После войны его наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», присвоили звание Почётный колхозник. И всегда приглашали его на районные собрания, сажали на почётное место – в президиум. Все секретари района считали Кузьму своим другом, приезжали к нему в село за пятьдесят километров – порыбачить вместе с ним. Кузьма щедро угощал гостей вкусной ухой.

До коллективизации все сады на хуторе были частными. Когда богатые казаки побросали их, сбежав в Донбасс, колхоз сады обобществил. Садами и виноградниками стал заниматься Кузьма – его поставили бригадиром, так как он знал технологию выращивания фруктов. Занимался Кузьма и бахчевыми культурами, вместе с бригадой получал до восьми сотен центнеров арбузов с одного гектара.

Бригадным девчатам он говорил, когда арбузы поспевали:

– Рвите и несите домой, сколько унесёте. А семечки вернёте мне, семена нужны будут.

Так же было и с яблоками. Как только они краснели, Кузьма не уставал повторять:

– Берите сколько нужно. Вы не должны нуждаться. Это ваш труд.

Были у Кузьмы свои взгляды на заботу о простом колхознике. Он часто высказывался, что надо уважать людей и платить им за труд больше. О том, можно ли раздавать сельскохозяйственную продукцию тем, кто её выращивает, Кузьма однажды спросил у прокурора района, сверил с ним свои действия. Приехал как-то прокурор в село, и председатель колхоза дал команду набрать для него фруктов и овощей. Тут Кузьма и обратился к высокому гостю с волновавшим его вопросом.

– Дед, корми людей, корми, сколько можешь, сколько от тебя зависит! Они достойны лучшего, а мы их недооцениваем, – сказал прокурор.

Слова у бригадира не расходились с делом, Кузьма заботился о колхозниках, но при этом переживал: если всё раздавать бесплатно, то ничего ведь не создадим...

Сажал арбузы Кузьма согласно перенятому от своих родителей опыту. Бросив пятилетнее семечко в землю, выливал из бочки в это место кружку воды. Через шаг закапывал следующее семя – и опять лил воду. А чтобы ряды были прямыми, шёл впереди работниц и ставил вехи. Когда арбузы всходили, он занимался их прополкой. Но сначала отрубал пол-лопаты, затачивал остриё – получалась чистилка, к ней приделывал длинный

черенок. Шёл Кузьма по полю и счищал своим изобретением траву. За рабочий день столько километров мог пройти! Новую поросль сорняка он не трогал, так как арбузные усики нуждались в опоре – траве (арбузы с помощью усов держатся за сорняки, и ветер им не страшен, каким бы сильным не был). Осенью в бурьяне лежали арбузы от четырёх до десяти килограммов весом. Знатный урожай собирали бахчеводы!

Много тонкостей в житейских делах знал Кузьма, он щедро делился с людьми полезными советами и никогда не отказывал в помощи, особенно вдовам. Позовут его определить дату отёла коровы – тут же спешит. По степени стёртости зубов он устанавливал возраст лошадей и коров – это умение необходимо при покупке животных. Досконально знал и то, как и чем кормить домашний скот. Свою лошадь он очень берёт, кормил правильно – овсом и порезанной травой. Для лошади, учил Кузьма хуторян, лучше траву рубить, чтобы зубы не стирались раньше времени, ведь лошадь траву грызёт зубами – это плохо. А корова растения рвёт языком, зубы у неё не страдают, к тому же у неё два желудка – это тоже хорошо: в один желудок она накидывает траву, и, когда он полон, корова ложится, у неё начинается жвачка – отрыжка и пережёвывание, после этого задействуется второй желудок. Правила, как надо кормить домашних животных, Кузьма строго соблюдал и передавал их молодым сельчанам.

Знал Кузьма и все требования по выращиванию деревьев, он не раз спасал свой сад. Сады Трифоновых находились близко к реке Быстрая. Когда вода в ней поднималась, то затопливала и сад, и дом. Внуку Феде это нравилось. Он грёб на лодке по двору и помогал взрослым: укладывал вещи в лодку, доставлял их к тем, кто жил выше, на бугре, передавал скарб через слуховое окно.

После того, как вода падала, в саду оставалось болото. Деревья вследствие этого бедствия выглядели так: на верхушках – листочки, а ниже – почерневшие ветки.

Однажды, когда река в половодье затопила сад, а потом ушла в свои берега, Кузьму будто оса укусила, он закричал:

- Берите вёдра! Скорее! По десять вёдер воды лейте под каждое дерево!

В саду болото, а Кузьма делает вокруг деревьев приствольные круги, и домочадцы льют в них воду (её носили из колодца). Ушло пятьсот вёдер на пятьдесят деревьев. Через некоторое время яблоньки начали отходить. Почки раскрылись, из них появились листочки, и вскоре деревья зацвели. Этот опыт с поливом Кузьма перенял от своего отца. У сельчан, не делавших так, все яблоньки погибли, и пришлось Кузьме делиться с земляками своими знаниями. Повзрослев, Фёдор поинтересуется у местного агронома: учили его этой мудрости в институте или нет? Тот ответит отрицательно и расскажет, как надо понимать весь процесс: когда вода ушла со двора, в водном балансе создан перепад давления, и дереву ничего не оставалось, как только работать – брать воду. А брать из земли было уже нечего – вода ушла, поэтому надо было дерево напоить.

Что ещё характерно для Кузьмы? Он всегда жалел женщин, защищал их, если кто-то пытался оскорбить. Даже драться кидался на казака, когда тот свою жену обижал. Кричал ему: «Хам! Что ты делаешь?! Убью!»

Много времени посвящал Кузьма не только работе, но и внукам, очень переживал за них и их будущее. После девятилетней службы в армии Фёдор пришёл домой, и Кузьма его спросил:

- Ну, что надумал?

- Узнаю, если в колхозе есть свободная машина, устраюсь шофёром, а потом женюсь, – ответил внук.

- Надо же, такую войну с фашистами прошёл! Такую войну сломал! А ума не нашёл, – возмутился Кузьма.

- Почему?

- Учиться надо, пока мы живы!

Федя послушался деда, окончил университет.

Незадолго до смерти бабушки у Фёдора родился первенец. Узнав о рождении правнука, Кузьма, уже неизлечимо больной, приподняв голову с подушки, заговорил:

- Федя, это правда, что мальчик родился?

- Правда.

Кузьма заулыбался. Фёдор подсел к нему поближе и решился на весьма непростой вопрос:

- Тяжело умирать?

- Тяжело.

- А почему?

- Ходил я в атаку много раз. Когда шёл, думал: может, останусь жив... В разведке был, гадал: вернусь или не вернусь? У меня была вера, что выживу. А тут идёшь в одном направлении, зная, что назад дороги нет.

- А нет ничего такого – радостного, успокаивающего перед смертью?

- Есть! Я хорошее поколение после себя оставил. И никому не перешёл дороги, не замазал грязью. Все могут мною только гордиться.

Дедовы слова запали в душу Фёдора, он взял их в свой актив.

Феде очень хотелось, чтобы дедушка поправился и пожил как можно дольше. Решил он отправиться за помощью к его друзьям – секретарям райкома партии. Они приехали в село вместе с врачом. Осмотрев больного, доктор сказал, что помочь старику уже не сможет. Тронула Кузьму забота внука, он обронил слезу.

Большой труженик, Кузьма работал до тех пор, пока не покинули силы, почти до последних своих дней. Закончился его земной путь в 1956 году, в возрасте девяноста трёх лет. Жену Марфу отпели за несколько месяцев до ухода Кузьмы в вечность.

Для Фёдора дедушка был самым близким человеком, он больше всех занимался им, очень любил его, хотя не выражал свои чувства словами – видимо, не знал таких слов, либо сдерживал себя, полагая, что мальчика, казака, воспитывать надо без лишних сантиментов. Любовь Кузьмы проявлялась в беспокойстве за жизнь Феде, в заботе о нём. Дедушка мечтал, чтобы внук вырос здоровым и умным, чтобы уважал людей и любил свою землю. Кузьма щедро делился с ним житейской мудростью и опытом и считал своей обязанностью оберегать его там, где в силу детского возраста Федя не мог найти правильного решения. Иногда приходилось деду спорить и даже браниться с внуком, когда он брал на себя больше положенного. Рамки положенного Кузьма раздвигал постепенно, по мере того как Федя рос и овладевал знаниями и навыками.

А бабушка Феде, Марфа?.. Узнаем и о ней. От Марфы исходило тёплое, радостное восприятие жизни. Грамоте она была не обучена, но зато знала много пословиц и поговорок – из них она черпала народную мудрость. Как и Кузьма, Марфа умела вдохновенно, красочно живописать разные житейские истории. До глубокой старости сохранила она умение занятно рассказывать; язык её был живым, ярким, образным. Феде бабушка любила не менее горячо, чем любил его Кузьма, часто приговаривала: «Я мальчишечек люблю».

Родители Марфы были с хутора Крутинского. Мать умерла, не дожив до старости, отец был полуслепым, занимался сапожным делом.

Сватали Марфу в молодости дважды.

Первое сватовство оказалось неудачным. Приехал к ним жених со сватами. Спрашивают родители жениха у Марфы: нравится ей их сын? Она ответила, что против решения отца и матери не пойдёт. Те уехали ни с чем. Пока решение окончательно не созрело, родители невесты захотели посмотреть имение жениха, поехали они вместе с дочкой на смотрины. Увидев на пороге гостей, хозяева растерялись. Но потом спохватились, накрыли на стол, усадили будущих родственников на почётные места, под иконы. Вечерело. Сидят все за столом, а жениха всё нет. Говорит хозяйка своей дочери, которая стоит у стола и, раскрыв рот, смотрит на гостей:

- Что же ты, Таня, стоишь? Жениха зови!

- А где он? – спрашивает девица.

- Да на улице бегают.

Вошёл в дом жених – растрёпанный, одна штанина задрана, другая – опущена. Встал в дверях, молчит.

Отец говорит ему:

- Подойди, поздоровайся с будущим тестем.

- Ну, здорово! – подал жених руку гостю.

- А почему рука такая грязная? – спросил тот.

- Да вот, арбузы ели, а ножа не было. Разбивали их и прямо руками ели.

- Слушай, а пшеница у тебя есть? – поинтересовался будущий тесть у жениха.

- Есть! Хватит твоей дочке на зиму.

- Для моей дочки есть пшеница и у меня. А ты попроси у отца меру (равна 16 кг. – Прим. авт.) зерна, сдай зерно в магазин, на вырученные деньги купи мыло, хорошенько им умойся, и после этого мы снова к вам приедем.

«Отец с мамкой встали, – рассказывала Марфа в старости, – меня забрали, и мы уехали. Так родители посмотрели имение жениха».

Про второе своё сватовство Марфа вспоминала вот как: «Приехал к нам на бричке с отцом нарумяненный парень по имени Кузьма. На нём – белая рубашка со стоячим воротником, сам подпоясан кушаком с махрами на концах. Я, как и в первое сватовство, сказала гостям, что не слушаюсь родителей. Мнение отца и матери о женихе оказалось положительным, и меня засватали».

О том, чего стоило Кузьме взять в жёны красавицу Калабухову Марфу, мы уже знаем.

...Фёдор, став взрослым, часто бывал в доме, где прошло его детство. Однажды он приехал в хутор вместе со своей супругой Нелли и маленькой дочкой Ирочкой. Ириша заупрямилась как-то раз, и мать сказала ей строго:

- Иди сюда!

Девочка не идёт.

- Все нервы вытрепала! – рассердилась на неё Нелли.

Видевшая это Марфа подозвала к себе внука и спросила:

- Федя, а что такое «невры»? – Она впервые слышала это слово. – Твоя Миля всё время повторяет: у меня невры.

- Не Миля, а Нелли, – ответил Фёдор. – И не невры, а нервы.

- Ну ладно, пусть будут невры.

В девяносту двухлетнем возрасте Марфа не знала, что такое – нервы.

Иногда внук приставал к бабушке:

- Скажи: бригадир.

Марфа, с улыбкой:

- Благодир.

- Скажи: ударник.

- Урядник.

Так Марфа шутила, она была в жизни нескучным человеком. Но могла и погрузиться, вспомнив былое.

Однажды она сказала мужу с горечью:

- Дед, а деда, зачем ты меня тогда ударил, а?

- Когда это было? – отозвался Кузьма.

- Я первенького, Андрюшу, родила, вышла с ним во двор, а там девчата соседские, говорят мне: «Дай нам понянить». Я дала. А ты шёл с хутора пьяный, подошёл ко мне и сказал: «Где наш сын?» Я ответила, что он у подруг. «Что он тебе, кукла, что ли?!» – возмутился ты и ударил меня по лицу. Зачем ударил, а?

Кузьма отказывался, твердил, что не делал такого, а Марфа продолжала с обидой:

- Я ушла к своему отцу и сказала ему, что больше к Кузьме не вернусь, он ударил меня.

Отец велел мне идти назад. Я спросила: «Почему?» Он: «Если Кузьма придёт к нам и

порубит всю капусту, то чем же мы будем жить зиму?» Я вернулась к тебе. И зачем тогда вернулась?.. Причём тут капуста? Пусть бы порубил ты её!

Марфа долго помнила нанесённую обиду, как было ей больно... После бабушкиных откровений Фёдор сделал вывод: тяжело переносит жена побои мужа.

Вспоминала Марфа ещё один случай, произошедший с маленьким сыном Максимом. Малыш болел и просил у матери сахар, а его у Марфы не оказалось. Но она знала, что старенькая бабушка Матрёна запирала в сундуке сушёные сладкие груши. Спросить их Марфа стеснялась.

- Дотронулась я до замочка, что висел на сундуке, – рассказывала Фёдору Марфа, – а он вдруг вытащился вместе с пробоем. Набрала я груш и стала ими кормить ребёнка. Сыночек мой ест с удовольствием, а я его спрашиваю: «Ты скажешь об этом бабушке?» Он – мне: «Скажешь». Я опять: «Так ты скажешь бабушке?» Он: «Скажешь». Я начала его бить, говоря: «Да ты знаешь, что бабушка будет меня ругать? Так ты скажешь ей?» Максим, чуть не плача: «Скажешь!» И тут я спросила по-другому: «Не скажешь бабушке?» Сынок отвечает мне: «Не скажешь». И я поняла, что неправильно ставила вопрос. Сейчас вот лежу и думаю: зачем я била своего сыночка? Так жалко мне его теперь, так жалко...

Летом семья Кузьмы и Марфы жила на первом этаже дома – в низах было прохладнее, чем наверху (окна выглядывали из земли наполовину). Марфа к полудню давала задания дочкам и внукам: «А ну-ка, девчата, нарвите в поле чабреца, выметите пол и сбрызните его водой. Чабрец разложите по комнате. Завесьте окна. Ну а теперь бегите, а я посплю».

Много старики занимались детьми, воспитали и своих, и ребятишек от погибших на войне братьев Кузьмы, а потом и внуков. К тому же помогали деньгами тем из родственников, кто нуждался материально. Как только появлялся лишний рубль, Кузьма шёл (он был хороший ходок) в другое село, за тридцать километров, к дочери Аксины – дать ей денег на детей. Аксиныя поднимала ребятишек одна, её муж погиб в Великую Отечественную войну.

Удивительным самоотверженьем обладали Кузьма с Марфой! Сколько в них было любви к близким людям! Им отдавали они порой последнее.

Состарившись, они любили сидеть вдвоём на завалинке. Кузьма нежно обнимал жену за плечи, что-то ей рассказывал... Родным было радостно смотреть на них.

Андрей

Сына Кузьмы и Марфы – Андрея – отличало добросовестное отношение к любому делу, трезвость в принятии решений, смелость в действиях. В армию был он призван в 1910-м, служил вестовым, нёс службу честно. Прошёл Андрей Первую германскую от звонка до звонка, был в сентябре 1916-го участником брусиловского прорыва. «Под ружьём» он находился тринадцать лет, из них четыре года – на действительной службе.

Вернулся Андрей со срочной службы в 1914-м. Только прибыл в хутор, а тут – нарочный.

- Казаки, все на войну! – призвал посыльный хуторян.

Начались проводы в армию. Казаков построили на станичной площади, и старый генерал стал проникновенно говорить перед собравшимися:

- Отцы и матери! Выпал жребий на ваших чад.

«У всех хлынули слёзы», – вспоминала спустя годы видевшая всё это Марфа.

Андрею, не успевшему и дня поработать на земле, пришлось отправиться воевать.

В 1918-м казачий полк, в котором он служил, подвели с фронта к Питеру, где уже свершилась революция. Командиры, стоявшие на стороне белогвардейцев, отдали казакам приказ: подавить революционно настроенные массы. Питерские рабочие и матросы с красными повязками на рукавах встретили полк со словами:

- Казаки, не стреляйте! У нас с вами общие интересы. Мы такие же, как и вы, простые люди. Мы для вас всё сделаем. Что бы вы хотели?

- Отправьте нас на Дон, – сказали казаки.

Питерцы быстро подали вагоны – и для лошадей, и для офицеров с казаками – и состав тронулся в сторону Дона. В дороге Андрей слышал (лежал на верхней полке, над полкой офицера), как командиры сетовали меж собой, мол, прозевали мы своих казаков, надо было с ними обращаться мягче, дружественней. «Эх, прозевали!..» – долго сокрушались они. Действительно, слишком строго наказывали командиры простых казаков, часто незаслуженно их одёргивали. Причиной отказа казаков от выполнения приказа о подавлении революции, считал Андрей, была грубость казачьих генералов по отношению к своим подчинённым. А другая причина: казаки уже сами были революционно настроенными, в полках организовывались революционные советы казачьих депутатов.

Во время Первой империалистической на фронте наблюдалось удивительное явление – братание. Русские солдаты братались с немецкими солдатами. Окопы располагались иногда так близко, что воевавшие противники могли переговариваться между собой, выглядывая из окопов. А иногда даже ходили друг к другу в гости. Немец кричал: «Русский, иди к нам пить чай! Я получил из дома посылку с галетами. Давай не будем стрелять друг в друга! Кому это надо?» Простым воякам делить было нечего, они порой не знали, для чего и за что сражаются.

Вернулись казаки на Дон, а там – Гражданская война. Отца Андрей дома не застал: Кузьма уехал в Крым – в надежде уплыть в Турцию. Старые казаки пошли к Деникину и Врангелю, чтобы защитить старую Россию, а прибывшие с фронта молодые казаки, снявшие с шапок трёхцветные кокарды и надевшие красные банты, были настроены революционно. В то смутное время так случалось часто: сын шёл против отца, и наоборот.

Не успел Андрей приступить к работе на земле, старые офицеры призвали молодых казаков идти защищать старые порядки, какие были при царе, то есть встать на сторону белых. Те послушались. Провожали их жёны и матери. Андрей с казаками не поехал. Провожающие, узнав, что он остался дома, попросили его:

- Скажи, Андрей, за казаками, уговори их вернуться назад!

Вскочил Андрей в седло, прищпорил коня и поскакал во всю прыть в Тацинку – райцентр, до которого десять километров. Догнал своих товарищей он на полпути.

- Меня послали за вами ваши жёны и матери. Возвращайтесь домой! – призвал Андрей казаков.

Те послушались, вернулись.

«Почему казаки вернулись? Почему не расстреляли меня?» – удивлялся потом Андрей. Так он повлиял на дальнейшую судьбу земляков. Служба их, и его тоже, утвердилась в красных до конца Гражданской войны.

В 1923 году Андрей окончательно вернулся домой. А что же там? Жена умерла, двоих его детей воспитывают Кузьма с Марфой. Через год он женился, привёл в дом вдову (муж погиб в Гражданскую) с пятилетним сынишкой Серёжей. Жена Ирина родит ему Фёдора и Марию, и от трёх браков станет в семье пятеро ребятишек. Ирина не делила детей на родных и неродных, отношение ко всем у неё было одинаковое – доброе и справедливое. И те относились к ней так же: маму любили и младшие, и старшие – дети Андрея, которые своей матери не помнили. Когда дочки выросли, родители позаботились о приданом для них, купили каждой по кровати и сундуку, приготовили постель – подушки, перины, простыни.

В стране установилась советская власть, и сельчан стали загонять в колхозы. Андрей возглавил товарищество по совместной обработке земли (ТО): он стоял за новую власть от и до. А спустя некоторое время стал работать в колхозе агрономом.

В тридцатых годах коллективизация земель завершилась. В 1938-м властями было принято постановление: «Охрана земель от разбазаривания». Андрей, кроме обязанностей

агронома, выполнял работу землемера: отводил участки под усадьбы и отрезал землю у тех, у кого её было много, излишки передавал колхозу.

Однажды к нему приехали милиционеры и забрали его в камеру предварительного заключения. Андрей попросил их объяснить, за что он арестован. Ему сказали, что в его колхозе украдено десять центнеров пшеницы. По просьбе Андрея вызвали человека из районного земельного отдела. Пришёл ответственный работник и принёс карту колхозных земельных наделов. Развернули её и увидели: на ней показано 35 гектаров земли. Андрею сказали, что на 35 га он получил для посева 45 центнеров зерна. (На одном гектаре высевался по норме один центнер пшеницы.) И строго спросили у него:

- Где десять центнеров зерна? Куда дел?

- У нас 45 гектаров пашни, а не 35, – ответил Андрей. – Зерно высеяно всё.

- Но на карте – 35 га!

- Эта карта не моя. Её рисовал не я, – веско сказал агроном.

Приехала в колхоз комиссия, перемерила наделы, и всё выяснилось. Андрей оказался прав, его отпустили. Случилось это в то время, когда подозрения и проверки являлись обычным делом.

С годами Андрей станет уважаемым агрономом в районе. За заслуги его однажды послали от района в Москву – на совещание колхозников-опытников. Для него, человека сельского, увидеть столицу и услышать выступления известных людей было большим событием. Отправляя делегата на столь ответственное совещание, руководство района решило его приодеть. Но, как на грех, в сельпо не оказалось мужских костюмов. Дали посланцу с собой денег, чтобы он купил себе костюм в Москве. Приехав в столицу, Андрей решил сначала посмотреть, во что одеты люди, прибывшие на совещание. Подошёл он к театру, где было запланировано мероприятие, и видит: все мужчины, входящие в фойе, – в костюмах и рубашках, в галстуках и шляпах, в руках у каждого – портфель, на глазах – очки. Андрей купил себе такую же одежду и портфель и отправился за очками в аптеку. Там его спросили: какие нужны ему очки? Не имея о них никакого понятия, он попросил любые. Взял те, какие ему подали, надел их и удивился: всё вокруг большое! Примерил потом другие: показалось ему всё вокруг мизерным. Наконец купил подходящие очки, водрузил их на нос и отправился в театр. Зашёл в огромный зал и видит: все задние места заняты; почему-то люди облюбовали галёрку. Сел он в первом ряду. Открыл совещание Калинин. Был он в очках, в шляпе и при портфеле. После «всесоюзного старосты» выступил советский учёный-селекционер Зеленский. Он говорил о том, что семенному делу надо учиться у бабушек: они лучшие селекционеры, берут семена только от хороших, здоровых растений. (Вспомним, как Марфа тщательно отбирала семена картофеля для посева.)

Москва сильно поразила Андрея. Увидеть столицу во всей своей красе было настоящим чудом! Одним из чудес стал цирк, где ему довелось побывать. Там восхитили танцующие кони. Они вставали на задние ноги и, соприкасаясь друг с другом передними копытами, парами кружились под музыку в вальсе. Это зрелище Андрея потрясло, он подумал: «Как такого можно добиться от лошадей?» С огромными впечатлениями вернулся он домой и долго вспоминал о поездке, рассказывал всем...

В дополнение образа Андрея... Был он мастеровитым, мог построить дом, сладить бричку, сшить сапоги, полушубок, телогрейку, выделывать любую кожу. Всю жизнь он следовал своим убеждениям: казак должен всё уметь, ведь от его способностей, умения организовывать быт зависело благополучие семьи. Часто ему приходилось кузнечить. Кто обучил его этому ремеслу? Видимо, младший брат отца – Николай, чья кузница отошла колхозу после революции. Андрей был его ровесником, служил с ним в одном полку, они много общались.

И отцом Андрей был отменным, положительно влиял на мировоззрение детей, на их продвижение в жизни, на учёбу, развитие... А дети им гордились и брали с него пример.

Побывав на студенческой помолвке Фёдора и его невесты Нелли, Андрей порадовался за молодых, вдохновенно произнёс за столом: «Великое счастье быть студентом! Я мечтал о том, чтобы мои дети стали студентами. Моя мечта сбылась! Страна у нас будет замечательной, потому что много в ней целеустремлённых молодых людей!»

О жене Андрея... Ирина была идеальной женщиной, матерью и труженицей. Простая колхозница, она не гнушалась никакой работы, трудилась и дояркой, и веяла зерно на току, копнила в поле пшеницу и пекла хлеб в колхозной пекарне... Семейная касса находилась у Марфы, и Ирина без лишних слов отдавала свекрови всё заработанное, буквально до копейки.

Много лет Ирина ухаживала за состарившимися родителями Андрея, заботилась о них образцово. Люди, зная об этом, удивлялись, спрашивали её: «Чего ты так стараешься?» Не понимали они того, что забота о родителях мужа приносила Ирине удовлетворение. В последний год жизни старики решили, что похоронить их должна родная дочка Аксинья. Отправились они в соседний хутор доживать свои дни. Но дочь не сумела столь внимательно относиться к своим родителям, как это делала невестка. Поняли Кузьма с Марфой свою ошибку и вернулись назад. Перед снохой они извинились.

Афанасий

Старший сын Андрея Афанасий был от первого брака (напомним: жена Андрея умерла в молодости). Афанасий появился на свет в предреволюционное десятилетие – в 1910-м. Вскоре после его рождения Андрея забрали в армию. А когда он вернулся домой, то не узнал собственного сына – так вырос он.

В школу Афанасий пошёл поздно: семья жила бедно, и ему не в чем было ходить на учёбу. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, дед Кузьма отвёз его в район (на хуторе имелась лишь начальная школа), предварительно договорившись с директором школы, что тот займётся обучением его внука. Сговорились на таких условиях: Кузьма будет обеспечивать продуктами сельского хозяйства семью директора, Афанасий поселится в директорском доме и станет догонять в знаниях своих сверстников.

Каждый год Афанасий осваивал программу двух-трёх классов. В 1929 году он досрочно окончил среднюю школу, и РайОНО направил девятнадцатилетнего способного выпускника учительствовать в начальную школу. А спустя год назначили инспектором школ. Последнюю должность Афанасий занимал недолго, он решил поступать в высшее учебное заведение. Но на этом пути у него было одно серьёзное препятствие. В то время детей крестьян не принимали в ВУЗы, в стране была диктатура пролетариата. Лишь в 1936 году в новую Конституцию внесли поправку: «Диктатура пролетариата и крестьянства», и неравенство между слоями общества было устранено. Чтобы стать студентом, Афанасий устроился работать шахтёром, ведь ему нужна была справка рабочего – «пропуск» в высшее учебное заведение. Через год он оставил шахту и поступил в Свердловский горный институт.

Нелегко дались ему годы учёбы, так как помощи от родителей не было. Колхозники денег за работу не получали, послать сыну отец ничего не мог. Пришлось Афанасию жить на крошечную стипендию и на то, что имел за подработку – разгрузку вагонов. Окончив институт, он остался, по предложению руководства, в стенах ВУЗа ещё на два года: институт перепрофилировали в геологоразведочный. В итоге после семилетней учёбы Афанасий получил специальность геолога.

О том, как студентам из бедных семей трудно было учиться, Афанасий рассказал отцу на одном примере: «На выпускном экзамене стоит парень, мой друг, отвечает на вопросы билета и вдруг... умирает! Был он полуголодным, обессиленным. Я боялся, как бы и со мной этого не случилось».

В 1937-м наркомом обороны был Ворошилов. В одном из своих выступлений он заявил: «Хватит студентам обивать пороги военкоматов, прося отсрочки!» Отсрочки Афанасий не

просил. Отучившись и получив диплом об образовании, он отправился на три года в армию. В конце 40-го вернулся домой в звании капитана-сапёра.

От армии у него остались не самые лучшие впечатления. Своему младшему брату Феде, которого он опекал, Афанасий советовал: «Не связывай себя с армией. Иди в гражданский ВУЗ. В авиацию. Это интересная отрасль, высокая, передовая, сложная область. Поступай в Московский авиационный институт». И для примера рассказал, как назначили в их роту старшину – малограмотного украинца, а они, солдаты, были уже инженерами. Этот старшина, упиваясь своей властью, командовал: «Раз-два! Я научу вас подчиняться! Академики!.. Развелось вас тут до чёрта! Садись, буду политбеседу проводить!» – и начинал говорить полную бессмыслицу. Сам ничего не знал, а брался просвещать других.

В 1937 году Ворошилов издал постановление о том, что обмундирование по окончании срока службы оставляется в армии. Пришёл Афанасий из армии домой в поношенной студенческой одежде и очень стеснялся своего вида. Дед Кузьма по этому поводу сказал ему: «По одежке встречают, по уму провожают». И, гордясь Афанасием, Кузьма не переставал хвастаться родственникам и односельчанам: «Смотрите! Смотрите! Внук с высшим образованием!» Афанасий смущался... В конце концов, рассердился он на деда: «Я инженер, а в какой одежке!» – и уехал из дома раньше намеченного срока, обидев тем самым дедушку. Отправился на Урал, к своей семье.

Женился Афанасий вот как... Познакомился он со своей будущей женой Клавдией в Свердловске, когда оба были студентами (Клава училась на врача). Как-то раз пришла Клавдия со своей мамой на студенческий вечер, Афанасий пригласил девушку на танец и больше не отпускал от себя ни на шаг. Вскоре на Урале сыграли молодым свадьбу, через год у них родился сынишка Боря. Когда Афанасий вернулся из армии, Боренька выбежал ему навстречу, со словами: «Папочка, а мы вас ждали! Баню истопили!» Схватил Афанасий сына на руки, и так ему было радостно его обнимать! Три года не имел он возможности видеть сына и жену.

В 1940-м Афанасия назначили на высокую должность – инспектора Уральских угольных копий.

С наступлением войны шахтёры получили бронь от мобилизации. Афанасий тоже её имел, но в 41-м ушёл добровольцем на фронт. В конце того же года он прислал родителям открытку, в ней – короткое сообщение: «Нахожусь под Москвой. Строю мост через Вязьму. Работаю в очень трудных условиях. Жив не буду. Кого обидел – простите». У нашей армии в это время складывалось очень тяжёлое положение под Москвой, войска находились в немецком окружении, в «котле». Не суждено было выжить Афанасию в том аду...

Андрей сильно плакал, узнав о гибели старшего сына, и долго носил на груди, в кармане, его открытку. Читал её и обливал слезами.

В 1943 году в Михайлове стояла советская воинская часть. Жители хутора помогали бойцам кто чем мог. Андрей подстригал солдат и офицеров штаба, его Ирина готовила для них еду. В штабе Андрей, увидев на общем снимке среди солдат Афанасия, обомлел: сын жив?! На его вопрос, почему Афанасий на этой фотокарточке, начальник штаба ответил, что воевали вместе, и рассказал, как Афанасий погиб.

По приказу командира Афанасий заминировал мост через Вязьму. Время идёт, все ждут: вот-вот пойдут по мосту немецкие танки. Включив часовой механизм, Афанасий с бойцами укрылись в отдалении и наблюдали за мостом. И тут такая досада! Танки уже пошли по мосту, а мост не взрывается.

Командир вспыхнул:

- Трифионов, вы предатель! Почему мост не взрывается?!

- Разрешите проверить? – мгновенно среагировал Афанасий и пополз проверять. В это время прогремел оглушительный взрыв. Мост рухнул вместе с танками. Попав в эпицентр взрыва, Афанасий погиб.

Фёдор, призвавшись в войска, писал письма с фронта не только домой, но, после того, как Афанасия не стало, и его жене. Получив первое письмо, Клавдия обрадовалась, подумала, что оно от мужа. Но ошиблась. А дело было в почерках – у братьев они были неразличимы. Фёдор даже в почерке подражал своему кумиру – старшему брату. Афанасий являлся для Феде примером во всём, он верил ему, восхищался им. А старший брат переживал за младшего, давал ему советы. Следуя поговорке «Хорошо жениться – полжизни», Афанасий говорил Феде: «Жениться надумаешь – не бери сверстницу. У меня много примеров, когда такие семьи распались». Причина этого видится в том, что девочки быстрее развиваются, нежели мальчики. Опережая в своём развитии ребят, девчата становятся лидерами, и это сказывается на семейных отношениях.

Афанасий очень гордился своим отцом, не раз говорил Феде: «Наш отец не закончил ни одного класса, а какой способный, работает агрономом в колхозе!»

Братья были дружны с двоюродной сестрой Марой – с ней они вместе росли, жили в одном доме. Интересен факт, как Мара вышла замуж.

Училась она в Анапе, в техникуме. А её будущий муж, детдомовец из Одессы Миша Гриб, в это время выпускался из лётной школы, которая находилась в Ейске. Как-то раз полетел Михаил на самолёте из Ейска в Анапу – на танцы в техникум, где училась Мара, там заприметил эту девушку, подошёл к ней и сказал:

- Ты мне понравилась. Будешь моей женой?

Мара ответила отказом.

- Я не хочу тебя терять, – сказал ей Михаил.

- Давай поженимся после моего окончания техникума, – предложила Мара.

- Долго ждать. И получится ли так? Чтобы мы ничего не напутали, идём сейчас в ЗАГС и распишемся. Ты будешь знать, что у тебя есть я, а я буду знать, что женат. Согласна?

- Согласна.

Они расписались. И через день Миша снова прилетел в Анапу, чтобы забрать жену с собой.

- Мне учиться надо! – запротестовала Мара.

- Какая учёба?! Война началась! Я тебе приказываю!

Посадил Михаил жену в самолёт и увёз с собой. И, будучи командиром лётного полка, до конца войны возил Мару по гарнизонам.

Не имея родителей, Миша полюбил родственников жены как самых близких людей – и дедушку Кузьму с бабушкой Марфой, и Андрея с Ириной, их детей. А они его просто обожествляли.

Фёдор

Фёдор – младше Афанасия на четырнадцать лет, родился в 1924 году. Отдали его в школу в шестилетнем возрасте. Учился он с удовольствием, был отличником. Из предметов особенно любил математику. Однажды директор школы привёл первоклассника Федю к четвероклашкам и попросил решить на доске задачу по арифметике – видимо, хотел поставить способного ученика в пример. С задачей за четвёртый класс Федя справился.

В 1934 году отца, Андрея Кузьмича, перевели работать агрономом в Тацинский район, в хутор Серебряков. Пришлось семье покинуть Михайлов. В десяти километрах от нового места жительства располагалась станица Краснодонская с паровой пристанью на реке Донец. За рекой находилось несколько шахт. Они светились ночью морем электрических огней – чудо как красиво! Фёдор, глядя на эти огни, в своём воображении рисовал прекрасные картины – не доводилось ему раньше видеть такое великолепие.

Удалённость станицы Тацинской от хутора Серебрякова, а это пятьдесят шесть километров, заставила Андрея Кузьмича изменить место проживания, чтобы приблизить

детей к средней школе. Переехали в Белокалитвенский район, в хутор Синегорский. Десятилетка находилась в шести километрах от дома – на шахте №8 Краснодонецкого шахтоуправления. Это расстояние Федя преодолевал с лёгкостью, иногда и по два раза в день. И учился он легко, с интересом. Из предметов, кроме математики, любил физику и литературу. А ещё с удовольствием занимался в различных кружках. С годами его увлечения переросли в широкое творчество – Фёдор писал стихи и песни, сочинял музыку, играл на баяне.

У него были замечательные друзья – одноклассники Миша Королёв и Виктор Андрющенко. Общение ребят благотворно сказывалось на их характерах, помыслах, идеях. Образцом для троицы была дружба Герцена с Огарёвым, их клятва, прозвучавшая на Воробьёвых горах, – молодые люди дали слово посвятить свои жизни Родине. Сила и величие клятвы подкупали ребят. Они серьёзно рассуждали о значении благородных чувств, о том, как необходимо эти чувства в себе воспитывать, о выработке потребности в знаниях и труде, в наслаждении этим процессом. Всё это играло положительную роль в их личностном становлении. Друзья решили, как и их кумиры, посвятить себя Родине. А с началом войны с ещё большей силой прониклись необходимостью защиты Отечества.

На патриотические чувства Фёдора повлиял и Николай Некрасов, его умение любить свою землю и мать. Мама поэта была из Волынской губернии. Отец служил в тех местах, взял эту девушку в жёны и привёз в своё имение, в Ярославскую губернию. Относился он к жене грубо, и это видел сын. Николай не уважал отца: больно было ему за мать. Он всегда спешил из Питера, где учился, в родные места – хотел своим приездом скрасить маме жизнь. По пути домой, переехав на другой берег Волги, Николай ничком падал на землю своего детства, целовал её и плакал – он любил малую родину не меньше матери.

Эти биографические сведения о Некрасове оказали на Фёдю неизгладимое впечатление. Он спрашивал себя: почему я не люблю свою землю так, как этот русский поэт, почему не испытываю такого же счастья? И упрекал себя за это.

В десятом классе задали сочинение на тему: «За что я люблю свою Родину?» Фёдор написал: «Люблю Родину за то, что она самая большая страна в мире – одна шестая часть земного шара. За то, что в ней много рек и полей. За то, что это родина Ленина и социалистической революции». За сочинение он получил пятёрку. А вот настоящего чувства любви к Родине у него пока не было, оно придёт к нему позже.

Примером в жизни для Феде стал и учитель русского языка и литературы, директор школы Алексей Владимирович Максимов. Этот человек оказал огромное влияние на подростка, Федя даже старался ему подражать. В дни, когда они вместе служили в трудовой армии: Фёдор – старшиной, учитель – рядовым, они душевно сблизились. Наставник много рассказывал Феде о себе, рассуждал об окружающей действительности, при этом в разговоре называл своего ученика «Фёдором Михайловичем» – именем Достоевского.

Как-то раз шли вдвоём с окопов домой, и учитель сказал в раздумье:

- Фёдор Михайлович, очень люблю я Родину и двух своих дочерей. Как сделать так, чтобы и Родину защитить и чтобы дочки выбрали счастливую дорогу в жизни?

Волновали Алексея Владимировича и другие не менее важные вопросы. Чувства и размышления учителя передавались Фёдору и влияли на его развитие.

Наставник имел дома библиотеку, занимающую четыре стены; все до единой книги были им прочитаны. Можно было взять с полки любой том и спросить, о чём он, и Алексей Владимирович, как и следовало ожидать, всегда мог рассказать содержание.

Учитель многому научил Фёдора своим положительным примером. Даже жену парень выбрал по тому же принципу, что и он. Фёдю удивляло: почему его кумир взял в жёны девушку неприметную, даже можно сказать – некрасивую. Сам же Алексей Владимирович был красавцем, мужчиной видным. Он играл на всех инструментах, имеющихся в школе. Такой интересный, умный мужчина, удивлялся Фёдор, а жена у него – невзрачная. Позднее он узнал, что эта женщина – богатейшей души человек, врач-профессионал. Её

ум и характер были великолепны! Алексея Владимировича восхищали в супруге глубокая человечность и порядочность. И сам он всегда оставался нравственно чистоплотным, преданным жене, детям и родителям.

Это учитель литературы воспитал учеников так, что они выбирали для себя чистые отношения, вырабатывали в себе терпение, воздержание от вредных, низменных чувств и привычек, учились противостоять соблазну, искушению, измене, учились завоёвывать в обществе авторитет и не ронять его. Одна мысль об отступлении от этих правил вызывала у Феди и его друзей душевный дискомфорт, угнетённое состояние души, хотя об этом отступлении никто не знал. Ребята не курили, не выпивали, не сквернословили, считая всё это низменным. Они понимали, что благородство заключается в любви к труду и знаниям, к музыке и искусству, к родной природе, к людям. А высшим из чувств, считали, является любовь к Родине.

Миша Королёв учился на отлично, писал стихи, поражавшие друзей оригинальностью рифмы и темы. Виктор Андрущенко – крепкий физически, красиво сложенный – был спортсмен. Собираясь вместе, ребята много говорили об учёбе, о прочитанных книгах, играли в шахматы, пели песни, ходили в кино, купались в Донце, удили рыбу. И – мечтали. Мечтали о будущем, о том, как поступят в высшие учебные заведения. Михаил – в университет, на литературный факультет. Виктор – в артиллерийское училище. Фёдор – в Ленинградскую военно-воздушную академию или в Московский авиационный институт. На летних каникулах ребята работали в колхозе, на уборке урожая, и на пристани грузили тачками уголь в баржи. Инициатором трудовых дел был Виктор. Михаил же увлекал друзей чтением книг, рассуждениями о смысле жизни.

Наступившая война сорвала планы ребят.

Рано Фёдор потерял дорогих своих друзей. Виктор старше Феди на год, его раньше призвали на фронт, он геройски погиб в Эстонии, ему присвоили звание Героя Советского Союза (посмертно). Михаила из-за близорукости в войска не взяли, и он, вместе с Фёдором, служил в трудовой армии, был политруком. После войны Миша поступил в институт сельскохозяйственного машиностроения; домой приезжал очень редко, за продуктами. Однажды, дело было зимой, добирался Михаил до своего хутора пешком, а путь не близок – пятьдесят километров, и по дороге замёрз.

Так оборвались жизни замечательных ребят...

В одном из писем к Феде Михаил спросил друга о том, что он планирует делать после своей демобилизации. Фёдор ответил, что, скорее всего, женится. «Ты великий математик! Неужели не захочешь окончить институт? – волновался Михаил в очередном письме. – Я учусь. Это так интересно! Будешь учиться и узнаешь геометрию Лобачевского!» Михаил ориентировал друга на получение хорошего образования.

...Переехали Трифоновы в Белокалитвенский район, в хутор Синегорский, и Федя пошёл поступать в восьмой класс. Директор, увидев перед собой худенького, недавно переболевшего подростка, сказал ему: «В седьмой садись, повторишь программу, а иначе не осилишь математику». А у Фёдора в табеле стояли четверки и пятёрки. (В системе образования было в то время правило: прибывших в школу учеников оставлять на второй год.) Федя, уверенный в своих знаниях, заплакал, стал умолять директора перевести его в восьмой класс, просил дать месяц на проверку знаний, но тот стоял на своём. Потом всё же сдался: «Ладно. Переведу тебя в качестве эксперимента». На ближайшей районной математической олимпиаде Федя занял первое место, решив одну из задач более интересным способом, чем решили остальные участники олимпиады. А когда он приехал в школу с победой, учитель математики Семён Федотович Чесноков произнёс: «Федя, твоё будущее в математике!» – и дал ему задачник, наказав решить в нём все задания. Три года Фёдор работал над ним, решал примеры и задачи разными способами, исписал пять тетрадей, не зная о том, что составлял решебник. Об этом стало ему известно много позже, от своей сестры Марии. Она училась в Новочеркасском пединституте, на математическом факультете, у бывшего Федино учителя. Как-то Семён Федотович

спросил Марию на лекции: «Ты Трифонову Феде сестра?» Услышав утвердительный ответ, преподаватель вынул из портфеля те пять тетрадей и сказал: «Вот был ученик! Составил решебник!»

Был ещё случай, связанный с математикой...

В конце войны Фёдор – сержант советской армии – ехал в поезде вместе с австрийскими студентами, они были из Вены. Разговорились на немецком... Студенты спросили Федю о том, где он учился. А узнав, что окончил десять классов в советской школе, предложили ему решить задачу: положили в банк одну тысячу рублей под десять процентов; сколько денег получили через год? Фёдор быстро ответил и задал попутчикам свою задачу: Эдисон изобрёл лампочку в 19 веке; в каком году это произошло, если от начала века до момента изобретения лампочки на 58 лет больше, чем от момента изобретения до конца века? Австрийские студенты не смогли её решить. Фёдор стал задавать им простенькие математические примеры и увидел, что они не знают элементарных формул.

...О начале войны выпускники Синегорской средней школы №7, среди которых был Фёдор, узнали вот как.

22 июня 1941 года в четыре утра закончился выпускной вечер, выпускники собирались идти встречать рассвет. Девочки побежали домой переодеваться, ребята остались в школе. Возвращаются девчата и с тревогой говорят:

- Война!

- С кем? С Германией? Да что она думает?! Чтобы победить Советский Союз, такую страну?! Да разве это возможно?! – завозмущались парни.

В то время все старшеклассники с гордостью носили на груди значки «БГТО», «ГТО», «ГСО», «Ворошиловский стрелок» и, считая их наградами, готовы были в любой момент встать на защиту Родины.

По радио выступил нарком иностранных дел Советского Союза Молотов. Он сообщил, что в четыре часа утра напала на нашу страну гитлеровская Германия, осуществила бомбёжки крупных городов и приграничных объектов и перешла в наступление огромными силами в двести сорок танковых дивизий. Прослушали выпускники речь народного комиссара и отправились к поселковому совету, чтобы вместе со всеми послушать выступления участников Гражданской войны и всех желающих. После митинга началась запись мужчин в добровольцы. И в тот же день солдаты отправились на фронт. Происходило это на шахте №8 Краснодонского шахтоуправления.

Фёдор отправился домой, думая по дороге о войне. Впереди него шли два мальчика: один лет девяти, другой помладше.

- Ты знаешь, что такое война? – спросил старший младшего.

- Это будут всех убивать! – отозвался мальчуган. – А дедушкиного Бобика убьют?

- И дедушкиного Бобика убьют...

- Нет, дедушкиного Бобика не убьют! Он убежит! – остановившись, решительно заявил мальчишка.

Так, буквально с первых часов войны были озадачены её наступлением не только взрослые, но и дети.

Фёдору предстояло решить вопрос с работой. Он попытался устроиться школьным учителем математики, но учителя не требовались. Лето было в полном разгаре, вот-вот должна была начаться уборочная. Заплатив вступительный взнос (двадцать пять рублей), пошёл он работать в колхоз, стал управлять лобогрейкой (косилкой). А 18 октября 41-го была сформирована в районе Белокалитвинская трудовая колонна. Фёдора призвали в неё. Вместе с сельчанами стал он рыть киркой, лопатой и ломом окопы, ходы сообщения, семиметровые противотанковые рвы, ловушки для немецких танков. Копать трудармейцы начали в своём районе, потом переехали в Лиховский, затем в Зверевский, в Цимлянский и дальше – вдоль Дона. В это время немецкие самолёты беспощадно бомбили землю. К тому же наступившая зима, самая лютая из всех военных зим, не давала людям

расслабиться. Рабочие на окопах заматывали лица шарфами и платками, но всё же многие обморачивались, и Фёдор не уберёг себя.

Вскоре его назначили старшиной роты. Ему, семнадцатилетнему, нелегко было справляться с сотней солдат. Но постепенно он начал лучше разбираться в людях, помогли ему в этом повар и кучер.

В первый день назначения на должность Фёдору выделили отдельную комнату. Он, довольный этим обстоятельством, расположился в ней и только уснул, как вдруг будит его армейский конюх и докладывает о том, что ослабла от бескормицы и пала лошадь (в роте было двенадцать лошадей и к ним – шесть телег). Что делать? Конюх посоветовал поднять её, пока она ещё дышит (не знал он того, что если лошадь упала, то поднимать уже бесполезно). Попробовали поставить животное на ноги верёвками – не получилось. Пришлось оттащить лошадь, уже мёртвую, при помощи другой лошади в яр.

По должности старшине положено было ежедневно писать докладные обо всём, что происходило в роте. Фёдор доложил командиру батальона о случившемся. Тот пронзил взглядом подчинённого, сказал резко:

- Пойдешь под суд военного трибунала! Ты знаешь, что такое потерять единицу?! Как вы могли?!

Слова командира потрясли Фёдора, он заплакал.

Повар, узнав, почему старшина расстроен, посоветовал ему назначить на место ездовых таких ребят, которые любят коней. Ведь до этого случая кто лошадей обихаживал? Немощные старики, которые не могли ни накормить, ни напоить животных как следует.

На вечерней поверке Фёдор обратился к солдатам:

- Кто хочет ухаживать за лошадьми?

Вышло человек двадцать. Федя выбрал шестерых молодых ребят, и они в первую же ночь нашли брошенный на полях корм. Кони быстро поправились на новых «харчах», буквально за неделю отъелись и встали на ноги. Фёдор между тем всё ждал, когда его будут судить.

Кучер Семён Сеченов подстриг похорошевшим коням гривы, хвосты завязал, шерсть почистил и, проезжая мимо штаба, старался продемонстрировать лошадям командование: подтягивал на себя вожжи, отчего кони пританцовывали. Командир батальона увидел упряжку в окно, вызвал Фёдора к себе, спросил:

- Твои, что ли, кони?

- Да.

- А где взял?

- Мои.

- Слушай, давай махнём! Возьми моих!

- Надо спросить у ездового.

- Спрашивай быстрее!

Фёдор – к Семёну, всё ему рассказал.

- Соглашайся! Соглашайся! У него английские полукровки! – обрадовался кучер.

У командира кони были зануженные, некормленные, но это не испугало Семёна. Перепряг он с командирским конюхом лошадей и за неделю откормил и этих, штабных. Комбат, увидев, такое преобразование, снова – к Фёдору:

- Отдавай коней назад!

Пришлось отдать.

Так Фёдор получил первый урок и утвердился в должности.

Вскоре переехали в Цимлянский район, в станицу Николаевскую, и остались без пекарни, там её не было.

Как-то командир сказал старшине:

- Почему кормите солдат мукой? Почему они жарят какие-то коржи? Договоритесь с хозяйками. Разве они не пустят печь хлеб в своих печах?

Фёдор быстро нашёл таких хозяек и спросил у солдат, кто из них хочет заниматься выпечкой хлеба. Желаящие тут же вызвались. Старшина взял двоих и отвёз в сельский дом, с хозяйкой которого была договорённость. А утром пришёл в ту хату и поинтересовался у пекарей:

- Как хлеб?

- Да как... У нас нет ни корыта, в чём месить тесто, ни дров для печи...

Фёдор воспринял это как свою вину. Взял он других ребят и отправился с ними в лес за дровами. Привезли хлысты, распилили, накололи... Наутро старшина – снова к пекарям. И узнаёт: хлеб не готов.

- А у нас нет дрожжей! – невозмутимо говорит один из них.

Фёдор опять берёт вину на себя: как это в голову не пришло – достать дрожжи? Стал искать их по хатам. А пекари ждут, считая поиски не своим делом. Повар – человек немолодой, опытный, – узнав, в чём дело, рассмеялся:

- Гоните их, старшина, гоните в три шеи!

Выпроводил Фёдор лоботрясов, вместо них привёл в дом других ребят. Утром повёз он инструменты на окопы мимо этой хаты, слышит: пекари стучат ему в окно. Фёдор – к ним:

- Наверно, нет дров или ещё чего?

- Старшина, забирайте хлеб! Заходи к нам! Вы завтракали?

- Нет ещё.

Пригласили Фёдора к столу. А на нём – картошка с бараниной, пахнет вкусно! Кружку вина налили...

- Где всё это взяли? – не поверил своим глазам Фёдор.

- О, свободно за муку можно выменять у эвакуированных – они гонят скот на восток. В обмен за овцу можно и муку отдать.

Накормив старшину, пекари попросили у него телегу, чтобы на ней доставить горячий хлеб на окопы.

После этих историй – с потерей лошади и выпечкой хлеба – Фёдор начал разбираться в людях: кто – настоящий, а кто «небокопнитель», как герой Салтыкова-Щедрина.

В мае 1942 года часть расформировали, и Фёдор вернулся домой, устроился учётчиком в полеводческую бригаду. Новая работа ему нравилась. На лошади, запряжённой в двуколку, он ездил по полям и вёл учёт работ: на прополке, культивации посевов, покосе сена, транспортировке грузов. Поработал какое-то время, а потом его послали учиться в Межрайонную колхозшколу. Окончив одномесячные курсы комбайнёров, стал трудиться штурвальным на комбайне.

...Стремительное наступление немецких войск летом 1942-го вынудило колхозы и совхозы эвакуировать скот в восточные районы страны. Фёдора, вместе с отцом и местным овчаром, руководство уполномочило перегонять колхозные стада за Дон. Взяв с собой доярок, группой в десять человек отправились в путь, погнали лошадей, коров, быков и овец на восток. Пыталась спасти животных от немецких захватчиков не только Ростовская область, но и Луганская, Донецкая, Днепропетровская, Харьковская. Много скота скопилось на дорогах. По ходу движения у людей возникли сложности: где напоить животных, как переправить их на другой берег Дона. Мостов на реке не было, это очень осложняло дело.

В какой-то момент наша группа погонщиков в огромном потоке беженцев распалась. Но отец Феди всех разыскал. Удалось им переправить через реку только овец. Помогли военные – у них была небольшая баржа. С трудом загнали животных на палубу, и катер перетащил баржу на другой берег реки. Пока плыли, боялись, что какая-нибудь овца прыгнет в воду, и все животные последуют за ней. Но обошлось... Переправа происходила ночью, в старейшей казацкой станице Раздорской. Овец переправили, а вот коров и лошадей пришлось оставить на правом берегу. Можно было попробовать пустить их вплавь, но Дон широкий, животные могли его не осилить.

Налёты немецких бомбардировщиков на переправу через Дон в июльские дни второго года войны были ужасны. Фашистские стервятники обрушивали сотни бомб на колонны автомашин и повозки эвакуированных, на гурты скота и табуны лошадей, на людей, скопившихся у Дона. Всё превращалось в невообразимое месиво из тел животных и людей, тонущих в сплошном огне и дыму. Во время бомбёжки Фёдор прятался в дупло большой вербы, что росла на берегу реки. Однажды, при очередном заходе немецких стервятников, он не успел добежать до дерева, упал на землю, опасаясь осколков снарядов. А после увидел: бомба попала прямо в ту вербу, её дупло расколосось. Уберёг Господь...

Немецкие лётчики зверствовали. Как же было досадно Фёдору от того, что наши зенитчики не попадали по цели! «Хоть бы один сбили!» – думал он. И тут бомбардировщик был сбит. Он упал за рекой. Лётчик, выбросившийся из самолёта, приземлился на парашюте недалеко от скопившихся у воды людей. Его сразу обезоружили два русских бойца. Немец не оказывал им сопротивления, покорно подчинился, вёл себя даже виновато, видимо, сильно напугался своей неудачи. Это был невысокий юноша с толстыми губами и рыжими прямыми волосами, на его лице проступили крупные капли пота.

- Вассер, вассер, вода! – заговорил он, указывая на Дон.

Его подвели к реке. Он бросился в воду и стал жадно пить, мочить лицо, волосы, шею. Около красноармейцев собралось несколько доярок, сопровождавших коров на восток, они интересовались: что будет с гитлеровцем? Женщины накормили русских солдат, напоили молоком и немца. С большой охотой фашистский лётчик пил и ел, доярки же сочувственно смотрели на него и меж собой говорили, что он не виноват, что на войну его послали и что у него, скорее всего, есть мать.

Подошёл к толпе майор, спросил:

- Что тут такое? Чего слюнявите? Пустить его в распыл! – и указал на немца.

Рядом находился небольшой яр, солдаты повели к нему лётчика. Вскоре послышался выстрел. После этого женщины сокрушались, косо глядя на майора: какой жестокий...

Русская женщина милосердная, всепрощающая, жалостливая даже к врагу.

Переправились погонщики – Фёдор, Андрей Кузьмич и овчар Иван Захарович Старцев – через Дон, оставив доярок на правом берегу и велел им возвращаться домой. Согнали они с баржи овец, скатили две телеги, запряжённые тройками лошадей, и третью повозку с одним конём. В это время фашисты заняли Раздорскую. И всё, что осталось на берегу, попало в их руки.

Длинный путь до Ставрополя тройца, погоняя гурт овец, преодолела за восемнадцать дней и ночей. Тяжесть дороги заключалась в том, что в июле 1942 года стояла просто невыносимая жара. А тут ещё пыль столбом от огромного количества машин, телег, военной техники... Большой проблемой был и недостаток воды в Задонской степи. Вода в колодцах и реках была горько-солёной. А река Маныч, Веселовское и Пролетарское водохранилища не имели спусков к воде, поэтому напоить животных было невозможно.

Немцы в своей наступательной эйфории беспощадно бомбили русскую землю. Натерпелись и люди, и животные...

Шли беженцы на Ставрополь, на юго-восток, а надо было бы им продвигаться к Сталинграду. Но никто и предположить не мог, что города Ставрополь и Невинномысск, куда держали все путь, к их приходу будут заняты гитлеровцами.

Однажды на перегоне беженцев догнала фашистская колонна машин. Увидев её, толпа с криком: «Немцы!» разбежалась кто куда. Попрятались в подсолнухах. Фёдор с отцом не могли бросить отару. Колонна подошла к ним вплотную. Немцы – на дороге, погонщики – внизу, с двумя бричками, к одной привязан жеребёнок. Брички заполнены колхозными продуктами: мешками с мукой и крупой, бидонами с маслом и мёдом. Вражеская колонна с четырьмя танками впереди, их орудия направлены в разные стороны. За ними – машина с боеприпасами и самоходная кухня. Чуть дальше – ещё машины, им не видно конца!

Мотоциклы объезжают колонну со всех сторон, поднимая пыль. С переднего танка прыгнули два солдата – и напрямик к Андрею Кузьмичу. Федя – рядом с отцом, в одних трусах. Фашисты в полном обмундировании, вооружены до зубов.

- Где Туголук? – спрашивает немец у Андрея Кузьмича, тыча пальцем в карту.

- Не знаем, – отвечает Федя за отца по-немецки.

- Где твоя мать? Там или там? – показывает фашист вперед и назад.

- Там, – обернулся Фёдор на запад.

- Цурюк! Возвращайтесь назад! – приказал немец.

Обшарили фашисты брички, забрали сорокалитровый бак с мёдом. И тут вдруг началась стрельба. Это палили советские БТРовцы из засады – они прятались в подсолнухах. Фашистская колонна рванула с места.

Была ещё одна встреча погонщиков с немцами. Возле отары остановился гитлеровский танк. А вокруг – стрельба: советские артиллеристы простреливали местность. Андрей Кузьмич, как и все идущие на восток, побежал прятаться в камыши, позвав с собой сына. Но Федя остался на месте, с отарой, вёл себя сознательно, ведь фрицы могли выстрелить в спину.

- Откуда огонь? – спросил его фашист, выглядывая из танка.

- Не знаю, – сказал Фёдор.

- Ты партизан?

- Нет.

Немцы не тронули парня.

Однажды, в суете бомбовых ударов, Фёдор потерял отца (он был с отарой овец) и вместе с овчаром оказался ночью в лесу. Сидели они на бричках и вдруг в ночной тиши услышали голос:

- Вы арестованы!

Это были русские солдаты, отступающие под напором врага маленькими группами. Узнав, кто и откуда эти двое, военные не решились отпустить их до утра, боялись, что они выдадут группу немцам.

- Да что вы! Выдать вас?! – возмутился Фёдор, узнав о причине задержания.

- Извините, не можем освободить, они вас могут просто заставить.

Все продукты, что были с собой, Фёдор оставил солдатам. Те поблагодарили и принялись за еду. Федя был рад, что встретил военных, хотел идти с ними на войну... Но они охладили его пыл, сказав:

- Мы можем и не выбраться. А вы собирайтесь группами и нападайте на немецкие гарнизоны. Это не очень сложно.

- Вы не видели здесь речку и на ней переправу? – достал офицер из-за пазухи карту.

- Видели! – вскочил на ноги Фёдор.

- Покажи.

Сел Федя сзади мотоциклиста, поехали, быстро отыскали мост. Вернулись, доложили, и группа засобиралась в путь. Фёдора и овчара военные отпустили. Утром нашёлся отец с отарой.

Дошли погонщики до Ставрополя и узнали, что город находится в руках противника. Стали думать, что делать дальше. От Раздорской пройдены Сусат, Костылёвка, Весёлый, Егорлыцкая, Целина, Песчанокотская, Привольное, Московское. Столько позади километров, и что же теперь? Решили возвращаться домой. Погнали овец к реке Маныч. Но перебраться на правый берег было невозможно: немцы разбомбили плотину, вода хлынула через провал в ней, люди переправлялись на лодках, далеко объезжая водопад. «Как же поступить с отарой?» – ломал голову Андрей Кузьмич. Ясно было одно: на лодках овец не перевезти. Тут подошли мужики и сказали им:

- Овцы – наши. Гоните их в загон.

Погнали... По дороге встретили немецких солдат. Увидев лошадей, гитлеровцы забрали их вместе с бричками. На одну поместили свой подбитый мотоцикл, заставив погонщиков помогать им при погрузке, а потом повезли технику в хутор.

Так наша тройца осталась и без овец, и без лошадей.

Направились к Маньчу. И вдруг увидели, как на их тройке скачут немцы, безжалостно хлеща кнутом испуганных лошадей. Лошади мчатся, а на пути у них оказались оборванные телеграфные провода. И надо же было такому случиться, проволока запуталась в колёсах, и столб рухнул прямо на бричку. Фашистов прибило так, что в живых никто не остался, а лошади не пострадали.

Погонщики зашли в село и наткнулись на строй русских солдат, которые, засев в подсолнухах, встретили немецкую колонну огнём. На их счету была сотня подбитых машин и около двух сотен убитых фашистов, чьи тела лежали вдоль дороги, на головах – немецкие каски. Пятьдесят советских солдат, взятых в плен, стояли перед гитлеровцами и жителями села. Немецкий командир обратился к воинам на русском языке:

- Вы – герои. А немцы героев ценят. Командиры, шаг вперёд!

Никто не вышел.

- Коммунисты, шаг вперёд!

Шагнули все, оставив на земле погибшего товарища.

Сельчане принесли для бойцов еду. Немцы разрешили им перекусить, а после погнали пленных в сторону Дона.

Вскоре погонщики вернулись домой.

Гитлеровцы быстро шли в 1942 году на восток. Эйфория от победного успеха во время движения на Сталинград была у них огромной. Наши части отступали разрозненно, группами. Днём накрывали транспорт соломой и расставляли его по полю так, будто это копны. А ночью машины откапывались – и снова в путь.

С середины августа 1942 года Фёдор жил на оккупированной немецкими войсками территории – в глухом хуторе Косово, в доме дедушки Кузьмы. Он нигде не работал, старался держаться незаметно, чтобы не попасть в неприятное положение, ведь Федя был комсомольцем, а захватчики таких ребят расстреливали.

По хутору фашисты расклеили объявления: «Весь скот, птица – имущество немецкое! Кто тронет – расстрел!» Дед Кузьма ослушался этого приказа – заколол своего кабана. И только опустил его в погреб, в дом нагрянули немцы. Они быстро обнаружили кабанчика. Один фашист открыл крышку погреба, а другой остуился и упал в него – прямо на свиную тушу. Стали солдаты отрезать от кабана куски мяса и варить на печке, каждый – для себя. Пока готовилась еда, офицер пригласил Кузьму выпить шнапс, попытался поговорить с ним, но Кузьма по-немецки не понимал. Немец стал объяснять ему на пальцах: видел здесь парня, позови его. Кузьме пришлось привести внука. Офицер достал из кармана кителя фотографию своего сына, показал Фёдору, стал плакать, сказав:

- Нас гонят на Сталинград.

- А что там? – спросил Федя на немецком.

- Там нам как-то. Мы не хотим туда. В Первую мировую мой отец погиб в России. Мне тогда было четыре года. А теперь моему сыночку столько же.

Сталинграда фашисты боялись... И не напрасно.

За кабана немцы Кузьму не наказали. Зато досталось ему в другой раз. Соседка попросила его помочь зарезать поросёнка, что он и сделал. Фашисты, узнав об этом, повели Кузьму на расстрел. Но почему-то передумали в него стрелять. Вскоре после этого случая Фёдору пришло от дедушки письмо на фронт (в это время Федя воевал): «Бей их гадов! Бей! Они меня к стенке ставили расстреливать!»

После войны в разговоре Фёдор спросил дедушку:

- Ты говорил, что немцы научат нас лучше хозяйствовать. Выходит, не научили?

- Они очень грубо, жестоко обошлись с народом. Нельзя так с народом! – ответил Кузьма.

Гитлеровцы, оккупировавшие хутор Косово, санобработку не проходили, были завшивлены, тела их от укусов насекомых – расчѐсаны. Они сбрасывали с себя на снег грязную форму «с партизанами» (так называли вшей) и переодевались в чистые, проглаженные вещи местных жителей. И у Кузьмы немцы не раз требовали чистую одежду. Фѐдор, призвавшись в войска, видел, как работали санпропускники советской армии: всех солдат регулярно проверяли на форму №20, на вредных насекомых.

...Фронт стоял близко от Косово. За Донцом располагались гитлеровские войска, советская армия была на подступах к реке. Немцы с приближением противника бросились выгонять из домов всех, кто был способен носить оружие.

Фѐдор незадолго до этого познакомился с русским капитаном Володей, бежавшим из фашистского плена и прятавшимся в Косово у людей. Обоих ждала та же участь – немцы могли их обнаружить и расправиться. Парни решили бежать из Косово. Пригласив с собой местного пастуха Костю, отправились с хутора в неизвестность.

По дороге Володя сказал Феде:

- Дальше тебе придётся идти одному. Костя обещал меня отвести к своей сестре в Шахты. Тебя он не берѐт.

Бросили... Зимой, в степи... Стал Фѐдор думать, как ему быть дальше. Решил вернуться. Пересѐк дорогу и увидел вдалеке немецкие танки. С одной машины его заметили и стали гоняться за ним по степи. Федея – туда-сюда, танк – за ним, но быстро отстал. Так Фѐдор испытал, что такое быть под прицелом орудия.

Наступала ночь, мороз крепчал. Фѐдор прибавил шаг. По дороге встретил незнакомца, сельского парня Семѐна. И его немцы по сути выгнали из родного дома. Вместе пошли. Добрались до летнего стойбища, а там – старик, познакомились с ним. Накормил он ребят и подсказал им, куда дальше следует идти, правильно сориентировал: Донец обходить стороной. И Семѐн говорил о том же: не надо испытывать судьбу, на реке немцы держат оборону и могут убить. (Позднее они узнали, что семеро сельских ребят попробовали пересечь Донец вплавь, фашисты их заметили и всех перестреляли.)

Дошли до незнакомого хутора, постучались в один из домов. Хозяйка впустила, накормила и, подав им девичью одежду, сказала:

- Переодевайтесь.

Ребята хотели её послушаться, но передумали: вдруг немцы начнут к ним приставать, приняв их за девушек. Фашистов в округе было ещё много, всякое могло случиться.

Надоумил Семѐн.

- Быстро на чердак! – сказал он Фѐдору, зная о том, что чердаков фашисты боялись.

В ту ночь с улицы доносились крики:

- Ура-а! Ура-а!

Это русские солдаты взяли хутор.

- Фиа-а! Фиа-а! – кричали фашисты, удирая от них на повозках.

Когда крики смолкли, в дом вбежали два советских бойца – молодой и средних лет. Увидев перед собой растерянных парней, молоденький солдатик спросил их:

- Немцы мучили, издевались над вами, да? Морили голодом? – Беспокойство было и в голосе, и в глазах.

Не дожидаясь ответа, солдат достал из-за пазухи хлеб, разломил буханку надвое, одну половину отдал Феде, другую – запахнул назад, сказав, что этого ему хватит. На фуфайке у бойца блестела медаль «За Отвагу». Выяснилось в коротком разговоре, что боец – москвич, ровесник ребятам.

Прощаясь, сказал он Фѐдору:

- Ты должен догонять меня! Я уже четыре месяца воюю. – И заторопился: – Ну я побежал! Некогда разговаривать. Немцев надо гнать.

Образ этого искреннего русского парня, отважного солдата вдохновлял Фѐдора до конца войны.

В 1943-м войска фельдмаршала Паулюса на Волге были разгромлены советскими войсками в пух и прах. Под Сталинградом рухнули также румынская и итальянская армии.

После освобождения от оккупантов территорий, прилегающих к Дону, Фёдор с Семёном вернулись домой, каждый – в свой хутор. И на следующий день Федя с отцом отправились в военкомат Тацинского района. Стоял январь 43-го.

По дороге в районный центр они присели на кургане, свернули самокрутки. Федя раньше не осмеливался при отце курить, он и не курил, лишь иногда баловался. И Андрей Кузьмич при детях не позволял себе этого, и Фёдор думал, что отец – некурящий. А тут они, пребывая в сильном волнении, оба закурили.

- Может, меня убьют, и ты будешь вспоминать, как здесь с тобой сидели, – грустно произнёс Фёдор.

Отец молчит: ком в горле.

Спустившись с кургана, пошли по берегу Быстрой. Фёдор стал рассказывать притчу о старом вороне. Как во время всемирного потопа ворон, спасая своих воронят от наступавшей воды, решил перенести их на гору. Спросил ворон старшего воронёнка: «Будешь меня кормить?» Он: «Буду». «Врёшь», – не поверил ворон и утопил птенца. Спросил он о том же среднего сына и в ответ услышал: «Буду кормить». И ему не поверил ворон, утопил он сына. А младший воронёнок сказал отцу, когда он задал и ему свой вопрос: «Не буду тебя кормить, своих детей кормить буду». «Правильно», – одобрил ворон и перенёс птенца на сушу.

- Значит, смысл жизни в детях? – спросил Федя отца, рассказав ему притчу.

Андрей Кузьмич молчит, плохо слушает, вытирает слёзы...

- Посмотри на курган, – сказал он вдруг, обернувшись назад. – Видишь, там белеется. Это ж мамка стоит в белом платке. Наверно, плачет...

- Да, плачет...

Прошли уже пять километров, а мать всё стоит, смотрит вслед им. Так тронуло это Фёдора, тёплое чувство к матери нахлынуло, и он в ту же минуту простил маму – что иногда секла его, порола... И подумал с горечью: «Не жалел я её, не слушался...»

Пройдут годы, а белеющий вдаль материнский платок не забывался, вспоминая о нём, Фёдор сильно расстраивался.

Пришли в военкомат. И Фёдора, вместе с группой молодых солдат, в тот же день отправили под Харьков, в город Чугуев (Степной фронт).

Едут новобранцы в кузове машины и видят: по обочинам дороги лежат мёрзлые трупы – немцы с раскинутыми руками, русские – полусогнуты, руки вместе. Встречались на пути следования и торчавшие из сугробов замёрзшие фашистские тела в полный рост – так шутили наши солдаты: ставили вдоль дороги и на перекрёстках трупы с поднятыми руками, будто фашисты просили подвезти. Русский солдат был не лишён юмора даже в условиях войны. Но главное – он был жизнеспособен и бесстрашен.

Из Чугуева Фёдора перевели в расположение Воронежского фронта – под Острогорск (Белгородская область), на военный аэродром (854-й бомбардировочный авиаполк), в роту охраны. В полку, командовал которым статный красавец, полковник Линников, было тридцать самолётов. Солдаты охраняли их круглосуточно. А также копали капаниры, закрепляли самолёты на тросах, чтобы не сдуло ветром, организовывали ложные аэродромы с макетами бомбардировщиков, строили временные аэродромы, выбирая для них ровные места на опушках леса и вырубая лишние деревья.

Тем временем на Орлово-Курской дуге шли ожесточённые бои. С русского аэродрома бомбардировщики делали в горячие места свои знаменитые вылеты – по пять-шесть раз в день. Молодых солдат из роты охраны ежедневно отбирали в пехоту, в маршевую роту, и бойцы вступали в бой с противником. Фёдор ждал своей очереди, отправки на передовую.

В один из таких дней вызвал его к себе командир и спросил, хочет ли он стать шофёром: водителей не хватало. Фёдор согласился. В автороте, куда его перевели,

инструктор учил новичков всем премудростям вождения автомашин. Учил так, чтобы, вспоминая теорию, шофёр доходил до всего сам, и сам же устранял неполадки, то есть надеялся исключительно на свой ум и смекалку. Первые дни Фёдор ездил на машине с наставником, а спустя неделю уже самостоятельно водил ЗИС-6 – бензозаправщик самолётов, у которого была передняя и задняя кабины. В задней кабине имелось два «пистолета» – для закачивания топлива в баки самолёта, а также фильтры для очистки горючего. Необходимо было водителю сначала очистить топливо, а потом перекачать его в самолёт.

Заправлять приходилось самые разные самолёты – от истребителей до тяжёлых бомбардировщиков Як-2, Ла-5, Ил-2, ТБ-3. Бензин возили с железнодорожной станции. Заправляли технику иногда и спиртом – его доставляли со станции целыми цистернами. Отряд обслуживания имел, помимо бензозаправщиков, водомаслозаправочные машины и ПАРМы (походные авиамастерские).

Горячая пора была у авиаторов в июле 43-го, во время ликвидации немецкого наступления на Орлово-Курской дуге. Работали военные день и ночь. Спали водители машин время от времени, по пятнадцать минут. Было так. Командир останавливал колонну, идущую от железнодорожной станции, приказывал шофёрам свернуть на обочину и разрешал им вздремнуть. Засыпали все мгновенно.

Иногда приходилось бойцам хоронить своих лётчиков, отдавая им последние воинские почести. Не было только оркестра. Если советский самолёт немцы сбивали вдали от аэродрома, то на поиски лётчика и стрелка-радиста посылали санитарную машину.

Однажды, дело было под Острогорском, посты ВНОС (воздушное наблюдение и оповещение связи) доложили, что немецкий самолёт сбросил в рощу десант из восьми человек. Авто- и аэродромные роты отправились на его перехват. Солдаты взяли оружие, запрыгнули в машину и выехали в лес. Автороту возглавлял командир, майор Потапенко. Только солдаты вошли в рощу с разных сторон и стали её прочёсывать, как послышалась автоматная очередь, полетели пули – стреляли немецкие десантники. Бойцы залегли. И тут Потапенко скомандовал: «Встать! Вперёд!» Только все поднялись, издали донеслись голоса: «Ура-а!» Оказалось, аэродромщики зашли к немцам в тыл и взяли всех десантников живыми.

Привезли немцев на аэродром, завели в штаб, солдаты остались на улице. Вскоре Потапенко вывел на крыльцо радистку – красивую, статную немку в военной форме. Подтолкнув её к ступенькам, командир приказал солдатам пустить радистку в распыл. Никто не стал стрелять. Ни у кого не поднялась рука. Но приказ надо выполнять. Один солдат всё же решился. Как только она зашла в уличный туалет, он прочесал из автомата по деревянной двери очередь крест-накрест.

...Воинская часть переезжала с одного места на другое, обосновывалась на новых аэродромах под городами Красноград, Полтава, Миргород. Стояла поздняя осень 1943 года. Дороги развезло. Грязь, слякоть... Приближалась зима. Холод стоял жуткий. В процессе движения к Днепру пришлось Фёдору и его товарищу Лёне Сергееву пересечь на трактор (НАТИ-5) и с его помощью вытаскивать застревающие в грязи автомобили с боеприпасами. Часть в движении растянулась. И тут, как на грех, трактор на дороге заглох. Вечерело, вот-вот стемнеет.

- Надо бак почистить. Забилось горлышко от грязного горючего. Иди в деревню и проси у жителей коров, и чтобы все они были с ярмом на шее, – сказал Фёдору Лёня.

Деревня находилась в двух километрах. Фёдор привёл четырёх коров, когда уже стояла ночь. В темноте запрягли бурёнок в трактор и доставили его к крайней хате. Хозяйка дома накормила бойцов и проводила их в комнату. Натаскали парни соломы на пол, накрыли солому плащ-палаткой, фуфайки бросили вместо подушек, шинелями накрылись – им было не привыкать к подобным ночлегам. А утром стали промывать бак. Фёдор решил осветить горловину, чтобы посмотреть, что в ней застряло. В артиллерийский патрон вставил он кусок портянки, смоченный керосином, поджёг и поднёс горящий патрон к

баку. Лёня наклонился – с целью осмотреть горловину, в этот момент – хлопок! – взорвались в баке воспламенившиеся пары топлива. Дверь от взрывной волны распахнулась – и бак вылетел во двор! А Лёню откинуло на солому.

Федя бросился к нему:

- Ты живой?!

Ни звука в ответ.

- Отзовись, хоть слово скажи!

Лёня провёл рукой по своим «будёновским» усам и чуть не заплакал:

- Усив не мае!

- И бровей нет. А лицо обгорело, – констатировал Федя, радуясь в душе «воскрешению» товарища.

Вспомнив рецепт бабушки, как надо лечить ожоги (Марфа смазывала их коровьим маслом), Фёдор поделился им с Лёней.

- Ну что стоишь?! – накинулся тот на виновника взрыва. – Иди и проси масло!

Фёдор поспешил к хозяйкам, у которых брал коров. Они надавали масла много.

- А где хлеб? Хлеба неси! – на правах пострадавшего снова приказал Лёня, едва Фёдор появился на пороге.

Федя, радостный оттого, что напарник жив, был готов ему угождать и угождать – принёс и хлеб. И Лёня с аппетитом навернул белые ломти, предварительно густо намазав их маслом.

Бак промыли и двинулись на Кременчуг. Приехали в город, и Фёдор пересел с трактора на машину.

Форсируя Днепр, часть переправлялась на другой берег по деревянному мосту, построенному сапёрами. После прохода по нему танков и тягачей гвозди выходили из досок наружу, и случалось, что автомобили прокалывали на них шины. Машина Фёдора эту неприятность избежала.

Однажды Феде представилась возможность проявить смекалку, но не в бою – в быту. Помогли в этом слова командира о том, что солдат должен находить выход из любого положения. В ожидании переправы через Днепр солдат расквартировали на сутки в Глобино, предупредив о том, чтобы в девять утра, по сигналу – трём выстрелам из винтовки, все как один были на построении. Федя поселился в доме украинки Гарпины. Она очень хорошо его кормила – картошкой с мясом, предлагала даже самогон. Спать уложила на полу у тёплой печки. Утром Фёдор видит: Гарпина затеяла вареники, а у него скоро построение. Думает он: «Быстрее бы их делала! Наверное, пригласит к столу...» Тут, на беду, соседка постучала в окно и закричала:

- Гарпина, твоя свинья залезла в мой огород и всю картошку перерыла!

- Брешешь, брешешь! – та ей в ответ и побежала во двор.

Выглянул Федя в окно и видит: женщины вцепились друг другу в косы. Они дерутся, а он думает: «Эх, пропали мои вареники...» Вдруг ему вспомнилось наставление командира: из любого положения искать выход. «Что здесь можно сделать?» – прикинул Фёдор.

- Тётка Гарпина, иди, делай вареники, а я за тебя поругаюсь, – сказал он хозяйке, выходя на крыльцо.

Гарпина спохватилась – и в хату.

Смотрит Федя на разъярённую соседку: одна нога у неё выставлена вперёд, руки – в боках. Он встал так же: ногу отставил, руки – на пояс. И начал дразнящим голосом:

- Ишь ты какая!

- А какая я? – мгновенно подхватила соседка.

- Как мать твоя!

- А какая мать моя?

- Как ты!

Округлив глаза, соседка ретировалась, покинула «поле боя». Фёдор зашёл в дом, а проворная хозяйка уже накладывает в тарелку вареники.

- Ну и ну!.. Садись-ка, солдатик, за стол, – принялась угощать хозяйка бойца.

На построение Фёдор явился сытым и в срок.

Настроение в советских частях в начале 1944 года было боевое. Фашистов гнали на запад по всем фронтам. Под населёнными пунктами Шпола и Звенигородка немцы при отступлении держали оборону, но были окружены русскими войсками. В том же году вся страна была освобождена от немецких захватчиков.

В 44-м Фёдора направили в Вольск, в школу младших авиаспециалистов (ШМАС). Давали там курсантам крепкие знания, прививали и практические навыки. Школа имела цех для практики, с отделениями, соответствующими частям автомобиля: по двигателю, по шасси и по кузовным работам. До войны Фёдор не знал, что такие спецмашины как заправщик самолётов «ЗИС-6» (завод имени Сталина, позднее – «ЗИЛ» – завод имени Лихачёва) имеются в нашей стране, он впервые увидел заправщик в этой школе, а в конце учёбы уверенно им управлял.

Под Сталинградом советские войска взяли у неприятеля много грузовых автомобилей марки «Опель». Фёдор и такую машину освоил. В течение часа поехал на ней и получил справку о том, что может двигаться на «Опеле» в колонне. В военное время переучивались водители быстро, на ходу.

В Вольске Федя подружился с башкирским парнем Амином (себя он называл «Салаватом Юлаевым»). Амин был надёжным, преданным в дружбе, Федя отвечал ему взаимностью.

Из Вольска выпускников-шофёров отправили на Дунай, в город Измаил. Группа, в которую входили и Федя с Амином, держала путь в западные страны. В Измаиле водителям предстояло переночевать. Стояла поздняя осень. Солдаты промокли под дождём, продрогли, хотелось поскорее согреться... Как назло, в помещении вокзала, куда они зашли, яблоку негде было упасть. Капитан предложил им проситься на постой к населению. Стали ходить по домам, но никто не пускал на ночлег. И тогда капитан посоветовал закопаться на ночь в солому: в стоге тепло. Все разбрелись. К Фёдору с Амином примкнули два армянских парня. Идут они по улице и видят: в окнах одного из домов загорелся свет. Постучались в этот дом, на стук вышел высокий мужчина.

- Коля! Мищенко! – радостно вскрикнул Федя, узнав в нём командира роты, с которым служил в трудовой армии. – Что здесь делаешь?

- В городе стоит наша часть, я в ней – повар. Заходите! – радушно пригласил ребят Николай.

Расположились все в небольшой комнате, и Николай принялся хлопотать: развесил промокшую одежду гостей у горячей печки, приготовил на всех отличный ужин, угостил товарищей молдавским вином. Чего ещё было им желать?.. Рано утром, простившись с Николаем, парни пошли на вокзал, к месту общего сбора: им предстояла переправа через Дунай – командировка в Румынию. По дороге завернули на рынок. Продуктов там продавалось много, все – дешёвые. И табак был недорогим. Фёдор спросил у раненых бойцов, прибывших с правого берега, дескать, как там – в Румынии? Ему ответили, что курить абсолютно нечего. И тогда Фёдор решил все деньги, что у него были, потратить на самосад. Этот табак вскоре пригодился.

Бухарест. Вокзал. Фёдор закурил и тут же услышал:

- У кого самосад?

- У меня, – отозвался Федя.

- Дай хотя бы пару раз потянуть! – попросил солдатик. – Соскучился... От слабых сигарет никакого толку.

Фёдор насыпал бойцу самосада в кисет под самую завязку. И тут образовалась очередь из военных, все с кисетами, суют деньги...

- Ничего не надо. Берите так, – раздавал Федя свои запасы и радовался, что весь табак пошёл на пользу.

В группе шофёров, отправлявшейся на запад, был худенький паренёк-ленинградец. Кое-кто из бойцов над ним подшучивал, и не всегда по-доброму, как это бывает, когда видят тихоню, не умеющего постоять за себя. Федя с Амином защищали парня, не давали его в обиду. Возникшие на этой почве разногласия разделили группу надвое.

Когда прибыл к пирсу корабль, Фёдор с Амином сели на корме. Корабль стал набирать ход, держа направление в Румынию. Едва стемнело, на корме появились ребята, с которыми Фёдор и Амин не ладили, и резко толкнули Амина. Он не удержался и упал за борт. Федя бросился за помощью к своему капитану, а тот – к капитану корабля. Судно остановили, включили прожекторы, скинули в воду шлюпку... Искали долго Амина, но он бесследно пропал. Всю дорогу Фёдор не находил себе места, переживал: «Неужели Амин утонул?..»

Пришвартовались к противоположному берегу, водителей распределили по частям, закрепили за каждой машину. И – в путь, одной колонной. Прибыли в город Пакш (севернее Будапешта). Неподалёку, в Сельдемельке и Шопроне, дислоцировалась немецкая дивизия танков. И вдруг все танки от озера Болотон направились к Дунаю, пошли в наступление. Прибывшим шофёрам командование приказало срочно оставить машины и отправиться на оборону Пакш.

Стояла ранняя весна 45-го. По Дунаю шёл ледоход. Переправиться по реке, в случае чего, – невозможно. К тому же мосты разбомблены. Отступать – некуда. Фёдор, и другие водители из его колонны, занялись строительством обороны. Только приступили, вдруг увидели: к ним мчатся конники в бурках – донские казаки генерала Горшкова. Оказалось, они уничтожили все фашистские танки. Как? Зашли к немцам в тыл, с запада, догнали танковую колонну, на скаку попрыгали с коней на броню, открыли люки и побросали в них бутылки с зажигательной смесью. И быстро – на коней! Лошади послушны, бежали рядом, не оставляли всадников. Так казаки спасли солдат, готовившихся к обороне.

А как казаки выглядели, когда заехали в Пакш, разгромив танки! Это были герои. «Ну что, кланяйтесь нам в ноги. Мы вас спасли», – довольные своим успехом, сказали они бойцам.

Просто чудо, как конники на полном скаку спешили, прыгали на танки, закрывали смотровые щели бурками и шинелями! Немцы, не ожидая такого вероломства, даже люки не успели задрать.

Это не единственная история, когда казаки шли против немецких танков. Так, в 1941 году в битве за Москву участвовал геройский четвёртый эскадрон 37-го Армавирского кавалерийского полка 50-ой Кубанской кавалерийской дивизии. Эскадрон повторил подвиг панфиловцев. Ранним утром 19 ноября, понимая, что идут на верную смерть, кавалеристы отпустили своих боевых коней. А вскоре на горизонте появились десятки немецких танков. С нашей стороны им противостояли сорок пять казаков. Они закидали железные машины гранатами и бутылками с зажигательной смесью. У деревни Федюкино, которую войска Вермахта намеревались проскочить за считанные минуты, немцы задержались на день. Эскадрон кавалерийской группы прославленного, известного дерзкими вылазками в тыл врага Льва Михайловича Доватора стал почти на сутки непреодолимой преградой. Кавалерию против танков в тот ноябрьский день выставили не от хорошей жизни. Но уже вечером Доватор, желая спасти остатки эскадрона, отправил связного с приказом об отступлении. Связного убили. Послали второго – и его убили. Доставить приказ вызвался сын полка – четырнадцатилетний Саша Копылов. На месте боя подросток насчитал более двадцати подбитых танков и не увидел ни одного выжившего казака. Он вернулся и доложил: погиб весь эскадрон. Однако такое донесение было поспешным. Николай Богдашко из кубанской станицы Передовая выжил.

Во время боевых вылазок группы Доватора в сентябрьской сводке Совинформбюро сообщалось, что его группа, находясь две недели в тылу врага, сумела уничтожить три тысячи фашистских солдат, девятнадцать офицеров, сто пятьдесят машин, девять танков.

Нападая ночью на деревни, где квартировали фашисты, казаки закидывали дома со спящими немцами гранатами. Они уничтожали технику, устраивая на дорогах засады. Гитлеровское командование распространило листовку, где говорилось о стотысячной армии «диких казаков», свирепствующих в лесах и деревнях, об их «атамане» Доваторе. За его поимку немцы сулили вознаграждение – пятьдесят тысяч рейхсмарок. Эту листовку кавалеристы сорвали со штаба немецкой части и передали генерал-майору Доватору. Тот рассмеялся: казаков было в пятьдесят раз меньше!

В одном из писем, найденных у убитого немца, которое он не успел отправить домой, говорилось: «Одно упоминание о казачьей атаке повергает меня в ужас и заставляет дрожать. По ночам казаки приходят ко мне в галлюцинациях!.. Мы боимся казаков как кары Всевышнего».

Лев Доватор берёт казаков, старался зря не рисковать их жизнью. Сам он героически погиб под Москвой в декабре 41-го; ему присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Ещё один Герой Советского Союза, полный кавалер Георгиевского креста – Константин Иосифович Недорубов. В октябре 1941 года он сформировал кавалерийский эскадрон из добровольцев и стал им командовать. Вместе с ним служил его сын Николай. Командуя эскадронами в составе 41-го гвардейского кавалерийского полка, в ходе налётов на противника Недорубов и его казаки уничтожили большое число живой силы и техники противника. В частности, в тяжёлом бою под станицей Кущёвская было убито свыше двухсот немецких солдат и офицеров. Здесь состоялась кавалерийская атака на немецкие танки. И в бою под селом Маратуки эскадрон истребил свыше двухсот гитлеровцев, а сам Недорубов – семьдесят солдат и офицеров врага. Его сын пропал без вести в бою в районе станицы Куринская. Но, как выяснилось впоследствии, он, раненный, был подобран дальними родственниками Недорубовых; они выходили его и укрыли от немцев. После освобождения района Николай вернулся в строй.

В дальнейшем Константин Недорубов освобождал Украину. После тяжёлого ранения в декабре 43-го был демобилизован в звании капитана. Победу над Германией он встретил в звании гвардии капитана, с одиннадцатью ранениями и тяжёлой контузией. Несмотря на раны, гвардеец принял участие в Параде Победы и побывал на приёме у Сталина.

...Как только казаки генерала Горшкова разгромили немецкие танки под городом Пакш, Фёдор отправился искать свою машину. И вдруг услышал:

- Трифонов! Трифонов!

Повернулся – Амин! Цел и невредим! Друзья крепко обнялись.

- Рассказывай, как ты выбрался из реки, рассказывай! – раскраснелся Федя от радости.

- Я постарался снять с себя фуфайку, пока она была сухая, мне это удалось, и поплыл к берегу, к камышам. Достал ногами дна и вышел на правый берег Дуная. Пришёл в населённый пункт, а там – советская часть. Я всё рассказал военным о себе, и они дали мне машину. Так я оказался здесь.

Друзья продолжили движение в колонне, их машины шли одна за другой. Путь держали на Шафрон. Вскоре часть переформировали, и им пришлось расстаться – навсегда.

Дружба... На войне она была крепкой, надёжной, порой спасала жизни солдат. Так, два армянских друга спасли Фёдора от смерти. Вот как это произошло.

Находясь в Румынии, Федя заболел брюшным тифом, и эти парни упростили капитана разрешить им остаться вместе с больным на железнодорожной станции города Браилов – до тех пор, пока Фёдор не поправится. Капитану они дали слово догнать после часть. Начальником станции оказался армянин. Парни поговорили с ним на родном языке, и он, проникнувшись бедой, привёл всех троих к себе домой, выдал каждому по белому халату и тапочки. Друзья две недели ждали Фединоного выздоровления, а потом вместе с ним догнали свою часть.

Был у Феди ещё один надёжный друг – Борис Тяглов. Познакомился он с ним, когда служил за границей в химчасти – водил, как и Борис, авторазливочную станцию, предназначенную для транспортировки отравляющих веществ (АРС). Тут необходимо пояснение: Советский Союз готовился к отражению химического нападения немецких специальных частей на страну. Командование считало, что Гитлер применит газы, навяжет химическую войну. Перед химротой поставили задачу: проводить тренировки по обезвреживанию территории от отравляющих веществ. Кроме тренировок, водители, в их числе и Фёдор с Борисом, возили бочки с газом, работали все в противогазах и в противоипритных костюмах. Бочки забирали с железнодорожных станций и грузили накатом в свои машины. А ещё приходилось готовить химприборы для сбрасывания с самолётов – горючую жидкость (КС). Трудились ночью: жидкость воспламеняется на свету. Во время ночных полётов лётчики сбрасывали химприборы на колонны немецких машин, на мосты, другие объекты.

В 1948-м Фёдора и Бориса перевели служить в Киев – родной город Бори. Там Фёдор прослужил ещё два года.

Страшной оказалась судьба у Бориных родителей – профессиональных артистов балета, евреев по национальности. Нацисты расстреляли их, вместе с группой евреев, в Бабьем Яру – урочище в северо-западной части Киева. В этом месте многократно производились извергами массовые расстрелы гражданского населения. Когда Борис вернулся в город, родительский дом был занят, в нём жило несколько семей. Пришлось ему поселиться в кладовке.

В Киеве у Феди появился новый друг – Атишев Аристамбек – писарь военной части. Казах по национальности, он хорошо владел русским языком, выписывал и читал «Правду». Фёдор, по его примеру, подписался на ту же газету и читал её с большим интересом. Отношения между ребятами сложились уважительные, добрые. Аристамбек любил в свободное время играть на домбре и петь песни на своём языке. Федя, подпевая ему, запомнил все слова казахских песен.

В советское время не было противостояния между людьми разных национальностей. Это доказала фронтовая дружба, не имеющая национальных границ. Кто ты: русский, казах, еврей, армянин, башкир – не имело для бойцов никакого значения. В дружбе было главное: умение постоять за другого, помочь человеку в трудную минуту, выручить его, поделиться с другом сокровенным и знать, что он не подведёт в сложной ситуации.

Война ещё сильнее укрепила в Фёдоре чувство дружбы. Образы друзей – школьных, армейских, по совместной работе – формировали его. Он знал: дружба – великая нравственная сила, возвышающая человека, в дружбе люди готовы на добрые поступки – без принуждения, добровольно, по велению сердца. На большие ответственные дела может позвать дружба – в этом Федя не раз убеждался. Для осуществления таких дел дружба рождает великую энергию. Дружба бескорыстна. Она не требует материальных расчётов. Её измерители духовные – совесть и уважение, честь и преданность, чувство долга. Красив и духовно богат человек в дружбе. Всё это хорошо понимал Фёдор, имея надёжных друзей.

Трагичной оказалась судьба Фединогo школьного друга Ивана. Учился он плохо. В девятом классе просидел три года, но так и не сумел перейти в десятый, пошёл в другую школу. Но и там у него ничего не вышло. В армию его забрали ещё до войны. Попал Иван – физически крепкий, сильный – в морскую пехоту, воевал на Малой земле. С войны вернулся возмужавшим, в звании майора. Женился он в Краснодаре, там и остался. Окончив вечернюю школу и получив аттестат о среднем образовании, поступил в пединститут, на вечернее отделение географического факультета. В школе сначала работал учителем, потом – завучем. Когда однажды друзья встретились, Иван был, как и Фёдор, директором школы. В школьные годы Федя являлся для Вани образцом успешного ученика. Видимо, поэтому при встрече Иван спросил Фёдора о том, что его больше всего волновало, – мнение о нём.

- Как ты думаешь, я хороший или плохой директор?

«Вряд ли хороший», – подумал Фёдор.

- Ты можешь ошибаться, но я очень хороший директор. Нет такого ученика из числа слабых или хулиганов, к которому не нашёл бы я подхода. Да, я хороший директор. И у меня нет учебно-воспитательных проблем.

«У меня таких проблем никогда и не было. Я всегда имел хорошие знания», – рассудил про себя Фёдор, а вслух сказал:

- Я решаю эти же вопросы другими путями, – и поделился своими методами воспитания учеников.

В разговоре выяснилось, что Иван пользовался авторитетом не только среди учеников, но и среди учителей, все его уважали. А слабых учеников, их переживания он чувствовал интуитивно, вспоминая себя, такого же неуспевающего в учёбе, в детстве. Иван хорошо знал, как надо находить с ними контакт, и всегда его находил.

Рано Иван ушёл из жизни. Случилось непоправимое... Однажды поехал он с физруком школы на природу и стал бороться с ним на траве. Фронтовик, крепыш, он решил померяться силой с не менее сильным человеком. Схватились, Иван надломил себе позвоночник, это спровоцировало его раннюю смерть.

Сложной оказалась судьба и у младшего брата Ивана – Николая. В годы войны их отец стал сельским старостой в хуторе Косово. Как-то приехал он с заседания, от немцев, нашёл Федю (он жил в это время в Косово) и сказал ему: «Немцы вызывали меня, приказали предоставить им список комсомольцев, но я тебя не выдал. Ты – друг моего сына». В маленькой деревушке Фёдор был единственным комсомольцем, а значит, этот человек ни на кого не донёс. Как стало позднее известно, всех комсомольцев из близлежащих хуторов немцы расстреляли в роще у Донца. Лишь двум ребятам удалось спастись – они укрылись в шурфе шахты.

После войны отца Ивана арестовали и осудили на десять лет. Фёдор написал письмо в район о том, что этот полицейский вёл себя лояльно по отношению к жителям Косово, и привёл свой пример. Но письмо не подействовало.

Иван написал отказ от собственного отца – чтобы его не упрекали на работе за прошлое отца-полицая. При встрече Федя спросил друга о том, как решился он на такое. Иван ему ответил:

- Отец моего брата Николая испортил.

И стал рассказывать, как Николай встал на скользкий путь и в итоге попал в тюрьму.

Николай имел жену и двоих детей, держал крепкое хозяйство, но налогов не платил. Работники сельсовета приняли решение: за неуплату налогов забрать у него корову, поручили это дело участковому.

Николай попросил милиционера:

- Не бери мою корову. Угроблю тебя, если её отнимешь.

- Я должен её забрать – по постановлению сельского совета, – сказал тот.

Корову увели со двора. И вскоре после этого Николай застрелил участкового – из обрезка, через окно. Оружие он утопил в реке. Приехали расследовать это преступление милиционеры из Ростова. И служебная собака привела их по следу к дому, где жил друг сына убитого милиционера. Этот парнишка оставил следы, когда заходил за другом, чтобы идти вместе с ним в кино. Произошла страшная ошибка! Подростка на допросах пытали, требуя признания. А он твердил:

- Не стрелял я! Не стрелял!

В результате ни в чём не повинный юноша лишился рассудка.

Милиционеры и подумать не могли, что убийство мог совершить человек из соседнего хутора, находившегося в восемнадцати километрах от места преступления.

Прошло время. В соседнем хуторе случилась кража товара из магазина, в которой участвовал Николай. Своим подельникам-ростовчанам он проговорился, хвастаясь:

- Я настоящего милиционера убил, а вы считаете меня трусом!

Когда подельников нашла ростовская милиция, они выдали Николая, сказав, что он ещё и убийца милиционера.

...Сколько Фёдор оставил за собой фронтовых дорог, продвигаясь на запад! Пересёк одиннадцать областей – Сталинградскую, Ростовскую, Воронежскую, Курскую, Белгородскую, Ворошиловградскую, Харьковскую, Полтавскую, Кировоградскую, Черкасскую, Винницкую. Служил на разных аэродромах – под Курско-Орловской дугой, в Чугуево, Кременчуге, Могилёво-Подольском. Под Сталинградом, в Тростянке, заправлял самолёты бензином – он доставлялся составами по железной дороге из Сызрани. Проехал с заданиями по службе по территориям Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. Служил в западных столицах – Бухаресте, Софии, Вене. В Вене Фёдор встретил Победу. А узнал о ней так. Подошёл к бойцам командир – и заплакал: «Ребятунки, война закончилась!»

Фёдору довелось водить машины по Балканам, горам Трансильвании, Альпам. Он переезжал Днепр, Днестр, Дунай. Дунай пришлось пересекать дважды. В третий раз видел эту реку, когда летел на американском транспортном самолёте «Дуглас» из Констанце в Бухарест. В Бухаресте находились главные армейские склады (ГАС), Фёдор летел в этот город вдоль Дуная за обмундированием. Дело было летом. На реке – плавники. Камыши, камыши... Правый берег Дуная – крутой, высокий, а левый – пологий. В самолёте он нервничал: немцы находились в выгодном положении – на крутом берегу. А ведь советским войскам, расположившимся на равнинном берегу, предстояло брать эти высоты...

Война – это не только сражения, тяжёлая работа, но и многочисленные знакомства с людьми – как среди военных, так и среди мирного населения. Фёдору часто приходилось останавливаться у жителей разных деревень и городов на ночлег. Он на всю жизнь запомнил их радушие и теплоту. Горячо встречало советских солдат и население западных стран.

В Болгарии Фёдор шёл в одной колонне с местными жителями во время их национального праздника. Русских солдат болгары поставили впереди колонны, отдавая им тем самым дань уважения. Очень тепло встречали наших воинов и сербы. А в Венгрии, в одной семье, хозяин предложил Феде отметить вместе день Советской армии – приближалось 23 февраля 1945 года, и это несмотря на то, что венгерская армия воевала против нашей.

В Венгрии солдат расквартировали, и Фёдор попал в семью Ковач. У них был сын Андраш. Федя быстро подружился с пареньком. Спали ребята на одной кровати. Мама Андраша будила их по утрам, подавала по кружке парного молока прямо в постель. Она стирала и гладила одежду русского парня как родному сыну, очень хорошо Фёдора кормила.

Гостеприимно люди встречали русских солдат везде, куда они входили, освобождая страны запада от фашизма.

Однажды, дело было в Румынии, Фёдору предстояло переправиться с машиной через Дунай в город Рушук (ныне – Русе), пришлось ждать паром. Подошёл к нему мужчина и взволнованно, со слезами на глазах обратился по-русски:

- Разрешите поцеловать у Вас полу шинели?

Фёдор удивился:

- Почему?

- Вы – русский солдат. Я тоже русский. Бывший юнкер. Я вынужден был эмигрировать из страны. Здесь я богато живу, занимаюсь предпринимательством – переправляю лес из Трансильвании. – Мужчина показал рукой на баржу, везущую по реке брёвна. – Мне так трогательно смотреть на русскую армию... Ведь это НАША армия! Давай посидим с тобой в плавучем ресторанчике, пока вернётся твой паром, поговорим...

- Россия теперь другая, – продолжил разговор бывший юнкер, расположившись за столиком. – Я так хочу в Россию! Так хочу! Вы в Москве были?

- Был.

- Так теперь всё вспоминается!.. Охотный ряд... Бани... Очень хочется побродить по Москве. Скажите, а я могу свои капиталы перевести в советские банки, а потом ими распорядиться? – задал незнакомец неожиданный вопрос.

- Я не знаю точно... – ответил Фёдор. – Вряд ли разрешат ими пользоваться.

Потом эмигрант с ностальгией рассказывал Фёдору о юнкерах и тихо напевал:

Мы смело в бой пойдём
За Русь Святую!
И как один прольём
Кровь молодую!

Пел... Целовал шинель советского солдата... И – плакал. Человека тянуло на родину, которую он однажды потерял.

...Находясь в Румынии, зашёл Фёдор в парикмахерскую и, увидев на стене мандолину, поинтересовался у хозяина заведения:

- Играешь?

- Да.

- Сыграй, пожалуйста.

Мужчина снял с гвоздя инструмент и, аккомпанируя себе, спел пару песен: залихватскую «Семёновну» и грустную «Про Марусю».

- Откуда вы, румын, знаете русские песни? – спросил его Фёдор.

- В годы Первой империалистической в этих местах были донские казаки, эти песенки я услышал от них.

Для Фёдора, небезразличного к людям, к их судьбам, такие встречи были необычны, желанны. Он любил узнавать новых людей и то, как они трудятся, как живут... Всё незнакомое ранее влекло, вызывало у него интерес. Его пытливый ум подмечал тонкости, едва заметные нюансы в поведении и словах человека. Он анализировал, сравнивал, сопоставлял, ставил себя на место другого. Свойствами ума походил он на своего дедушку Кузьму, который тоже живо интересовался всем, что его окружало.

Ещё одна встреча с европейцем запомнилась Фёдору... Находясь в Австрии, он привлёк немецкого предпринимателя Франца к ремонту советских машин. Франц имел собственную автомастерскую и тридцать автомобилей. Он сам выполнял работу и бухгалтера, и кассира, и механика, и слесаря – всё делал один.

Фёдор, прибыв в Вену, в поисках механика, познакомился с Францем. Спросил его, сможет ли он помочь в ремонте машин. Австриец ответил:

- Гут! Гут! Согласен.

Франц возил русского солдата по автомагазинам Вены и на собственные деньги закупал детали для советской техники. Себя он называл коммунистом. Работая вместе с Фёдором, Франц удивлялся: как советские люди умеют делать всё из подручных материалов? И это было так. Ездили наши водители не только на своих, но и на немецких трофейных машинах – грузовых и легковых, на которых после восстановления догоняли немцев. К машине «Опель-Олимпия», например, ставили двигатель от автомобиля «Опель-Кадета». Это очень удивляло Франца. Немцу, чтобы заклеить камеру колеса, нужна специальная установка. Франц работал на станке, а Федя – вручную, на своём приспособлении – с помощью домкрата и старого поршня.

Русские отличались от европейцев умением работать, трудились они лучше, не жалея сил. Но в условиях конкуренции европейцы были впереди. Что такое конкуренция и как в её условиях выживать, мало кто из советских граждан в то время знал. Франц, выполняя самостоятельно всю работу, не тратился материально на помощников, он умел выходить победителем в конкурентной борьбе.

Вот ещё один пример подобного рода... Ехал Фёдор в автобусе по Вене и увидел, что кондуктора в нём нет. Пассажиров пропускал в салон сам водитель, он же – кондуктор и носильщик. В салоне автобуса на сидениях были разложены лотерейные билеты. На вопрос Фёдора: «Продаёшь? А зачем?» хозяин автобуса ответил:

- Да, продаю. Я бизнес делаю».

Всё это было удивительно для Фёдора, такого в своей стране он не видел.

...Остановилась воинская часть в городе Медлинге. В нём находилась неработающая сапожная фабрика. Командир приказал Фёдору найти сапожников, чтобы те пошили каждому русскому солдату (в части было сто человек) по паре сапог. Федя собрал со всего города сто сапожников. К их приходу русские повара приготовили хороший обед, накормили немецких работников, и Фёдор поставил перед ними задачу, осведомившись предварительно об их квалификации.

- Ты сапожник? – спросил он одного.

- Да.

- Я тоже сапожник, – ответили друг за другом все прибывшие.

Фёдор объявил им о том, что каждый должен сшить по паре сапог. Но тут выяснилось: у них на фабрике каждый сапожник выполнял лишь одну операцию: кто-то прибавал каблучки, кто-то вырубал переднюю часть сапога... Так, не нашлось ни одного сапожника, который бы смог пошить сапоги от начала до конца. А налаживать заводское производство, запускать конвейер было делом хлопотным и долгим. Покормили русские немцев и сказали им, что они свободны. И подумал Фёдор: «А русский сапожник шьёт сапоги один, без чьей-либо помощи».

...В Венгрии воинскую часть расквартировали в немецком селе. Командир позаботился о каждом солдате – заходил в дома и говорил хозяйкам:

- Солдат наших кормить! И кормить хорошо.

Фёдор поселился в доме, где, кроме хозяина Шульца и его жены Розы, был немец по имени Ференс. Вряд ли он приходился Шульцу братом, как его представили, скорее всего, был другом семьи и вместе с Шульцем воевал на стороне немецкой армии.

Во время оккупации Венгрии фашистами, завоеватели заставили мужчин-венгров воевать на стороне гитлеровской Германии. Так была создана венгерская дивизия. Когда армия противника на территории СССР была деморализована, оставшиеся в живых солдаты стали возвращаться в родные места. Венгерская дивизия была почти полностью разбита советскими войсками, её остатки рассеялись по территории Европы. Шулец с Ференсом оказались счастливыми, они вернулись домой.

К чести хозяев, к своему постояльцу домочадцы относились хорошо, неплохо Фёдора кормили. Хозяйство у Шульца состояло из десяти коров. Роза ловко управлялась с ними – доила, ухаживала... Воду для животных брали из своего колодца. У входа во двор стоял металлический шкаф, куда ставили бидоны с молоком. Ежедневно эти фляги забирал назначенный человек и отвозил их на лошади на молокозавод. В этом же шкафу Роза оставляла список, в котором указывалось, что привезти взамен молока: сыр, масло, сметану. Хозяйствовать венгры умели.

Дом был разделён на две половины, соединяющиеся между собой коридорчиком. В одной части жили хозяева, в другой – животные. Жилая площадь состояла из кухни с печкой, гостиной и спальни. Спальня не отапливалась, в ней всегда было прохладно, потому домочадцы спали, укрывшись тёплым пуховым одеялом.

Фёдору довелось присутствовать в тот момент, когда Шульца и Ференса, воевавших против советской армии, забирали русские пограничники. Их посадили в кузов машины и повезли в Советский Союз восстанавливать разрушенные города и сёла.

Уезжая, Шулец попросил Федю:

- Защити Розу, если возникнет необходимость.

А жене велел отдать постояльцу ключи от подвала, где хранилось вино. Фёдор их не взял, он был не любитель спиртного.

Роза всегда смотрела на Фёдора косо, недоброжелательно, несмотря на то что он помогал ей по хозяйству. Это и понятно: был он русским, как и те солдаты, которые забрали её мужа.

На крыше дома развевался красный флаг – так хозяева приветствовали советскую армию. А на чердаке Фёдор обнаружил фашистское полотнище. Местное население умело приспособляться к «смене власти».

Венгры в те годы пели:

Золотце Бёзико,
Завтра ты заплачешь.
Завтра твоего любимого
Заберут в солдаты.

Раз пришлось Фёдору заночевать в югославском селе. Там его удивило, что на окнах некоторых домов были наклеены листы с предупреждением: «Немецкое имущество. Трогать запрещается. Кто тронет – расстрел! Иосип Броз Тито». Выяснилось, что местных немцев, которые помогали фашистам, сербы расстреляли, а их имущество описали. Потому и появились на окнах предупреждающие листы. Коровы и свиньи в таких немецких домохозяйствах оказались брошенными, они мычали, хрюкали...

По ходу движения русских воинских частей по странам Запада часто встречались немецкие сёла. Как случилось, что немцы расселились по всей Европе? Произошло это в Средневековье, во время крестовых походов. Были немцы и в Югославии. Но сербы к власти их не допускали, хотя жили с ними мирно. Наступившая война порушила добрые отношения. Сербы с приходом фашистов ушли в горы – так родилось сербское партизанское движение. Местные немцы хорошо знали окрестности и помогали оккупантам, сотрудничали с ними. Партизаны нападали на немцев, спускаясь с гор. Уходя назад, они брали с собой продукты и всё необходимое. Так появилось противостояние между жителями Югославии – сербами и немцами.

Русских солдат сербы любили, называли их братушками, не знали, как говорится, чем бойцов накормить, куда усадить – заботливо относились к ним. Партизаны ждали от советских солдат помощи, а Тито надеялся на то, что с немецкой чумой его народ справится сам. Но всё же Белград освободила советская армия.

Сербские партизаны пели:

У Гитлера, у Геббельса
Заболела голова,
Что шестая армия
Заново пропала!

В Румынии главой государства был король Михай I. Под его руководством страна воевала во Второй мировой войне сначала на стороне гитлеровской коалиции, а после – на стороне союзников. Интересен один факт. В Бухаресте король Михай с помощью своих королевских войск арестовал немецкий гарнизон и сдал его советскому командованию. От Сталина Михай получил орден Победы.

Фёдор видел, как европейцы радовались освобождению своих стран от коричневой чумы, как достойно они встречали русских солдат и офицеров: в Македонии, Болгарии, в других странах... Благодаря своим нравственным качествам советские воины были на западе уважаемы.

Как-то раз шёл Фёдор по болгарскому посёлку (населённый пункт Мангалия), где расположилась наша воинская часть, и его остановил болгарин:

- Товарищ, зайдите к нам!
- Что вы хотите?

- Мы хотим, чтобы вы поучаствовали в нашем партийном собрании.

Зашёл Фёдор в дом и слышит: на собрании ставится вопрос о дружбе болгарского и советского народов.

Болгары обратились к нему:

- Мы хотим знать ваше мнение.

- Я за дружбу! – сказал Фёдор и произнёс речь во славу дружбы, а в ответ услышал горячие аплодисменты.

Болгары любили петь маршевую песню:

Пойдём, пойдём!
За советску власть пойдём!
Эй, рота, рота!
Даёшь пулемёты!
Даёшь батареи!
Чтоб было веселее!

Родина... Высокое чувство к ней появилось у Фёдора в конце войны. В школьные годы своей страной он только гордился – не знал, как можно её любить. Чувство любви пришло к нему неожиданно.

Направлялась советская колонна машин в Линц – город, расположенный западнее Вены. Фёдор занимал должность механика автобатальона. Раздал он водителям маршрутки, отправил колонну, сам решил ехать последним: вдруг чья-то машина сломается. И тут, как на зло, у автомобиля сел аккумулятор, пришлось ждать, когда он зарядится. Догоняя потом колонну, на одном из перекрёстков Фёдор потерял ориентировку, и дорога привела его в немецкую деревню. Он остановил машину и попросил местного жителя позвать бургомистра: нужен был ночлег, а машине – охрана. Бургомистр быстро пришёл и всё это обеспечил. Фёдор заночевал в семье, в которой находились три немецких солдата, переодетых в гражданскую одежду. Догадавшись, кто они, Федя спросил их по-немецки:

- Вы были солдатами?

- Да, – ответил один.

- Были в России?

- Да.

- Ну как вам Россия?

- Гут, – сказал старший по возрасту немец.

- Зер гут! – подтвердил тот, что помоложе.

- Русиш нихт культуриш, – изрёк молодой немец.

- Что-что?! А знаешь ли ты русскую культуру? – удивлённо воскликнул Фёдор.

- Ничего не знаю, – сказал немец.

- А может, знаешь Пушкина, Толстого, Глинку, Мусоргского или Чайковского?

- Ничего не знаю, – твердил немец.

- Вы ничего не знаете о русской культуре и говорите, что у русских её нет! А я, русский, знаю вашу немецкую культуру. Знаю Шиллера, Гейне, Гёте. Люблю вальсы Иоганна Штрауса, – и Фёдор спел на немецком языке вальс Штрауса, а потом прочитал стихотворение Гёте на языке врага.

Слова молодого немца ранили Фёдора так, что грудь его перерезало надвое острой болью. Обидно было услышать такое про русскую культуру... Этот случай перевернул его душу, сознание, и он полюбил Родину всем своим существом. Защищая Отчизну, он столько её нянчил, отдал за неё много энергии и сил! А Родина дала Фёдору богатейшее образование и всё, что его окружало. Родина была – ЕГО. Он выпестовал Родину и полюбил всей душой.

Вернёмся в немецкий дом, где Фёдор остановился на ночлег...

Хозяева пригласили гостя ужинать. Фёдор повесил автомат на вешалку, рассчитывая, что если покажет трусость, солдаты с ним расправятся. Сел за стол, решил вести себя смело. Ему налили вина. Он переставил стаканы. Хозяин, заметив это, дал понять, что вино не отравлено. Тост за столом никто не произнёс. После ужина хозяйка показала Фёдору комнату для ночлега, дала от неё ключ и сказала:

- Капитан, пушку свою возьмите.

- Пусть висит.

- Нет, возьмите! – стала настаивать хозяйка. – А то другой русский войдёт, увидит оружие и постреляет нас из него.

Забрал Фёдор автомат. Ночью он проснулся, вышел во двор и увидел: его машина охраняется.

Утром позвали Фёдора завтракать в семью бургомистра. В разговоре за столом он узнал, что жена бургомистра – русская, родом из Томска. Её будущий супруг, немец по национальности, находился в России тринадцать лет, был в плену после Первой германской. Освободившись из лагеря, он женился на этой русской женщине.

После завтрака хозяйка показала свой диплом об окончании Томского педагогического училища. Фёдор спросил её: не хочет ли она вернуться на Родину? Ответ был отрицательным.

Почти всю Европу Фёдор проехал на армейской машине, пересёк много стран. Видел он руины вместо городов и сёл, страдания и слёзы взрослых и детей, многочисленные жертвы – результаты варварства фашистской армии. И, пережив всё это, пришёл к заключению: русский солдат не был извергом, он был воином, наделённым нравственными чертами. Советские солдаты и офицеры не готовились быть цепными псами, палачами, какими были гитлеровцы. Стрелять в безоружного немца для русского бойца было делом исключительно редким. Солдаты не совершали жестоких действий против врага. На нашей территории русские воины подчинялись лозунгу: «Хочешь жить – убей немца», ведь фашисты были завоевателями, они пришли на советскую землю с захватнической целью. Как только наша армия перешла границу, военным объяснили, что они – солдаты самой цивилизованной армии, армии советского государства, и они не должны нести жестокость миру. Так и вели себя русские воины – не издевались ни над одним народом. Был Фёдор свидетелем того, как один наш солдат оступился, но его судили и дали большой срок. Гитлер своих солдат не судил, он специально готовил головорезов, преступников. Фюрер, придя к власти в 1933 году, настраивал свою армию на жестокую расистскую идею человеконенавистничества.

Доказательством человеческого отношения советского солдата к народам запада был такой факт. Когда русские войска вступили в Европу, Сталин отдал приказ, чтобы Вену не бомбили, и этот красивейший город не тронули.

К русским солдатам и офицерам отношение на западе было соответствующим – положительным. Фёдор не встречал такого народа в Европе, который бы не приветствовал советскую армию.

...Закончилась война. Федя, вместе с товарищами, возвращался из Вены домой. Погрузили водители машины на платформы, и поезд двинулся через всю Европу к границам СССР. Таких составов с военными и техникой в те годы шло много: наша армия покидала страны запада. Доехали до населённого пункта Субботицы (Югославия), а дальше поезд через территорию страны не пускают. Так горячо ещё совсем недавно принимали русских сербы, а тут – не пускают! В чём дело? Фёдор спрыгнул с платформы и побежал в комендатуру. Зашёл в кабинет и видит: за столом сидит подполковник.

- В чём причина задержки поезда? – спросил Фёдор.

- Из-за мародёрства, – ответил военный по-русски. – Мы очень хотим войти в состав СССР, но Сталин нам отказал. Тито ставил вопрос перед Сталиным о вхождении Югославии в состав Советского Союза, а он ответил, что по Конституции только та страна может быть принята в состав СССР, у которой есть общая граница с Советским Союзом.

Между нами находится Румыния. Подождём, когда Румыния вступит в состав вашей страны, а после и мы войдём.

Спустя трое суток поезд пересёк территорию Югославии.

Третьего июля 1941 года Сталин в своей речи заявил, что окончательно добывать гитлеровских варваров будем в их логове – Берлине. Так и произошло.

Пройдя войну, Фёдор пришёл к заключению: нет прощения бесчеловечности, жестокости, наглости, изуверству гитлеровской армии. Содеянное фашистами не забудется никогда. Героическое поколение, на которое выпала тяжёлая миссия защиты Родины, выполнила свой долг. Народ России и сегодня, и завтра, и на многие годы вперёд – пройдут тысячи лет – будет помнить эту войну и патриотически настроенное поколение, которое выстояло, победило самого лютого, до зубов вооружённого врага, и будет гордиться военным поколением.

Русский народ совершил величайший подвиг! Подвиг будет жить в веках. Победа в Великой Отечественной войне стоит в ряду таких великих побед нашего народа как победы Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова... Это – ярчайшая победа! Она показала огромную патриотическую силу русского народа, его единство в защите Родины.

Фёдор Андреевич Трифонов – один из тех, кто спас нашу страну от фашизма.

В заключение

Вернулся Фёдор из армии в 1950 году и поступил в Ростовский университет. Не на математический факультет, как советовал ему школьный друг Михаил, – на филфак: решил, что сначала надо научиться грамотной речи, ведь многие слова он, житель маленького хуторка, произносил неверно. Учась в ВУЗе, Фёдор женился на студентке своего факультета, на Нелли. Соединив судьбы по большой любви, они пронесли это светлое чувство друг к другу через всю жизнь. Оба посвятили себя школе – работали учителями. Фёдор Андреевич дорос до директора школы, позднее – до руководителя районного отдела образования. Вырастив дочь и двух сыновей, они много занимались внуками – как когда-то посвящали себя внукам Кузьма с Марфой.

Находясь на пенсии, Фёдор Андреевич работал экономистом в фирме своих сыновей. Пригодились ему знания, полученные в 1962 году в Высшей партийной школе при ЦК Компартии Украины (сдал кандидатский минимум по экономике промышленности). Много времени он отдавал воспитанию молодёжи – везде, где жил: в Дебальцево, Большой Мартыновке, Сызрани. Встречался с детьми и подростками в школах, во Дворце творчества, ходил к студентам, курсантам, призывникам... Рассказывал им о войне, делился своей болью за страдания матерей и жён, за гибель друзей, товарищей и братьев. Фронтовик мечтал, чтобы молодое поколение было таким же патриотичным, как его военное поколение, и сделало всё возможное для того, чтобы наша страна стала великой.

Фёдор Андреевич стремился передать свой педагогический и воспитательный опыт учителям и директорам школ, делал это с огромным желанием, понимая, что от мастерства и знаний педагогов зависит, каким будет будущее страны – молодёжь.

Пытливый, умный, наблюдательный, высокообразованный и интеллигентный, он постоянно погружался в большую политику, анализировал обстановку в стране и мире, переживал за войны на планете. За всё болела душа ветерана...

Живя последние годы в Сызрани, Фёдор Андреевич бывал на заседаниях городского литературного объединения, делился с литераторами своим творчеством. Широко одарённый от природы, сочинял он не только стихи, песни и рассказы (выпустил несколько книг), но и музыку. Ах, как же удавались ему вальсы! Редко кто может сочинить вальс. А Фёдор Андреевич не одну такую мелодию подобрал на своём баяне. Вальсы его – великолепны! Кроме них, он ещё гимны и песни слагал о городах и

посёлках, в которых когда-либо жил; они звучат в дни праздников. А гимн, посвящённый градообразующему заводу, играет в дни заводских торжеств.

Богата наша страна самородками, людьми, вышедшими из глубин народа, обладающими широтой натуры и ума, одарённостью, неутомимой энергией, любовью к труду и людям. Таким был Фёдор Андреевич.

Узнаем, как пришло к нему чувство любви к детям.

Однажды учительница начальных классов втолкула в директорский кабинет испуганного ученика и крикнула ему: «Сколько ты, Серёжа, будешь меня мучить? Я уже послала за твоей матерью!» И – Фёдору Андреевичу: «Разбирайтесь с ним сами!»

Зашла в кабинет мать мальчика, обняла сына, заплакала: «Серёжа, когда же ты будешь уважать учителей?» Она рыдает, а директор школы сам чуть не плачет, зная, что муж гоняет эту красивую женщину вокруг хаты, избивает её, когда пьяный. Жалко стало Фёдору Андреевичу и Серёжу, и его мать. Он сказал: «Ладно, идите, мамаша». А Серёжу спросил: «Ты книжки любишь читать?» «Да», – ответил он. Фёдор Андреевич дал ему художественную книгу, сказав: «Завтра перескажешь содержание. – И продолжил разговор: – А знаешь, ты мне понравился, даже не хочется с тобой расставаться. Ты любишь на автомобиле кататься?» Серёжа кивнул. «Наверное, шофёром хочешь стать?» – поинтересовался директор. «Да!» – ответил пацанёнок радостно, и глаза его засияли.

Вышли на улицу вместе, Фёдор Андреевич посадил ребёнка в машину и повёз вокруг совхоза. А на следующий день директор пришёл в школу и видит: Серёжа ищет его глазами, глазёнки бегают... В этот момент Фёдор Андреевич ощутил любовь мальчика к себе, толчок к которой дал сам. Любовь стала взаимной.

В одно утро Серёжа пришёл к дому директора, дождался, когда Фёдор Андреевич выйдет на улицу, и спросил: «А можно я с Вами дойду до школы?» – «Ладно». Так и ходили в школу вместе...

Приехал однажды к Фёдору Андреевичу глава администрации района. Стоят мужчины у калитки, мимо идёт Серёжа. Он остановился, поздоровался, сказал гостю: «Это наш любимый директор!» – «Он и наш любимый», – в ответ ему тот.

Фёдор Андреевич делал всё зависящее от него, чтобы школа была для детей школой радости. Доверительно беседуя с учениками, он говорил им о своём беспокойстве за будущее страны, рассказывал о военном времени, о белом платке своей матери – этот эпизод из прошлого сильно влиял на ребят.

Шесть лет работы в Дебальцево на должности директора трудной школы обогатили Фёдора Андреевича педагогическим опытом, он вынес из практики ценные наблюдения: не надо «гоняться» за учениками, надо добиваться, чтобы они сами к тебе шли. Не надо бояться того, что ученики могут побить стёкла, испортить мебель, надо искать пути установления контакта с ними, налаживанию доверительных взаимоотношений. Учеников можно полюбить, если с ними активно и результативно работать. Они должны работать, а ты должен ими руководить. Надо быть у детей на виду. Пусть они видят и слышат твоё отношение к окружающему, ведь позиция учителя формирует позицию учеников. В трудные моменты надо обращаться к ребятам, они помогут. Люби школу и не скрывай этого, и тогда дети тоже полюбят школу и будут защищать её честь.

Фёдор Андреевич – отличник народного просвещения РСФСР, награждён Знаком «За пользу Отечеству», медалью «За победу над Германией», Благодарностью товарища Сталина «За отличное обслуживание авиации». Он – Почётный гражданин Большой Мартыновки (Ростовская область). Это звание ему присвоили земляки за педагогический и наставнический вклад в деле воспитания сельских детей и молодёжи.

Почётный гражданин... А ведь когда-то его дедушка Кузьма был Почётным колхозником! Это он воспитал внука таким. Фёдор, подхватив дедову эстафету, стал достойным сыном Отечества, заслужил почётные звания.

...Надумает Фёдор Андреевич поехать вместе с сыновьями на малую родину – почтить память своих предков. На кладбище они найдут памятники из белого камня с

полукруглым верхом – надгробия на могилах Семёна и Матрёны – прадедушки и прабабушки Фёдора. На одном из них прочтут: «Здесь покоится раб Божий Симеон Трифонов. 1842-1909 гг.». Сильное волнение испытают... Отец скажет сыновьям: «Здесь наши корни».

После кладбища они отправятся на поиски родового дома, который строил отец Фёдора – Андрей Кузьмич. Но время сотрёт его следы. А вот хата соседа Никиты (с ним Федя в детстве дружил) сохранится. Увидев на пороге гостей, Никита, уже седовласый старик, спросит:

- Федя, а зачем вы приехали?

- Вот мои сыновья, знакомься. Мы хотели найти могилы своих стариков.

На глаза Никиты навернутся слёзы, он произнесёт:

- Какие вы замечательные! А мы живём рядом с кладбищем и не знаем, где нашего дедушки могила. А ведь она где-то здесь. Мне и в голову не пришло её поискать...

...Когда-то дед Кузьма гордился тем, что воспитал хорошее поколение и никому не перешёл дороги, не замазал грязью. Фёдор, его внук, тоже вырастил себе достойную смену и людям ничего плохого не сделал. Их с Нелли сыновья и внуки стали крупными промышленниками. Андрея, младшего сына, люди избрали депутатом Государственной Думы. Он посвятил отцу стихотворение, в котором такие строки:

Хотел бы повторить твой путь,
Но знаю: вряд ли так бывает,
Ведь даже гордые орлы
Таких высот не достигают.

Старший сын Сергей написал отцу:

Отец, ты служишь нам примером
Вот уже много, много лет.
Какая движет тобой вера?
И в чём, признайся, твой секрет?

А секрет – в любви к Родине. Это видно и по делам Фёдора Андреевича, и по его стихотворным строкам:

Россия, Россия – родная земля,
Ты нас родила и вскормила.
Твои небеса, и поля, и леса
До боли сердечной мне милы.

Фёдора Андреевича не стало третьего ноября 2017 года. Закончил он земной путь в возрасте девяноста трёх лет – как и его любимый дедушка Кузьма. Несколькими месяцами ранее ушла в вечность верная подруга и жена Фёдора Андреевича – Нелли Николаевна. Вспомним: и Марфу отпели за несколько месяцев до ухода Кузьмы. Такое вот двойное совпадение...

Ушло старшее поколение... Ушёл участник войны, человек-эпоха, творческая личность. Но родовая ветвь, начало которой дал когда-то Трифон, не пресеклась. Сегодня род насчитывает десять поколений, и это не предел. Мудрая природа так выстроила путь человеческой жизни, чтобы не ослабевала и не рвалась нить, объединяющая и соединяющая поколения, людей одной крови.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЁН – МИХАИЛ – ТРИФОН

Трифон – Пётр – Михаил

ТРИФОНОВЫ

Семён

Кузьма

Андрей

Афанасий

Фёдор

В заключение

Бондаренко Наталья Алексеевна

ОДНОЙ КРОВИ...

непридуманная повесть